
ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1751 и 1752 годы

Восстания приписных к фабрикам крестьян. - Помещичьи и крестьянские междоусобия. - Столкновения на межах. - Предложение графа Петра Ивановича Шувалова о генеральном межевании. - Указ против ябедников. - Смягчающее движение в законодательстве. - Продолжение брянского дела о беглых крестьянах. - Магистратское дело в Белгороде. - Беспорядки в Орле. - Устюжские купцы и половники. - Торговое и промышленное движение. - Финансы. - Дела церковные. - Продолжение борьбы с инородцами в Сибири. - Дела малороссийские. - Письмо канцлера Бестужева к императрице. - Ссора канцлера с братом его Мих. Петр. Бестужевым. - Столкновение с Австриею по поводу выселения сербов в Россию. - Новая Сербия. - Сношения с польско-саксонским двором. - Переговоры с английским двором о субсидиях. - Дела турецкие. - Кончина шведского короля Фридриха и вступление на престол Адольфа-Фридриха. Прекращение беспокойства относительно планов нового короля. - Сношения с Даниею.

1751 год начали в Петербурге обычными увеселениями. На другой день Нового года "как знатные обоего пола персоны и иностранные господа министры, так и все знатное дворянство с фамилиями от 6 до 8 часа имели приезд ко двору на маскарад в богатом маскарадном платье и собирались в большой зале, где в осьмом часу началась музыка на двух оркестрах и продолжалась до семи часов пополудни. Между тем убраны были столы кушаньем и конфектами для их императорских высочеств с знатными обоего пола персонами и иностранными господами министрами в особливом покое, а для прочих находившихся в том маскараде персон в прихожих парадных покоях на трех столах, на которых поставлено было великое множество пирамид с конфектами, также холодное и жаркое кушанье. В оной большой зале и в парадных покоях в паникадилах и кракштейнах горело свеч до 5000, а в маскараде было обоего полу до 1500 персон, которые все по желанию каждого разными водками и наилучшими виноградными винами, также кофеем, шоколадом, чаем, оршатом, и лимонадом, и прочими напитками довольствованы". 18 января был при дворе другой такой же маскарад.

С половины 1751 года в разных местах империи начало обнаруживаться явление, которое в следующем году приняло небывалые размеры. В Вятской провинции встали против своих властей крестьяне архиерейского дома, также успенского Трифонова и других монастырей. Пущих заводчиков велено было наказывать кнутом, а прочих батогами; но крестьяне

не допустили до этой экзекуции секретаря, приехавшего с драгунскою командою; секретаря и восемь человек драгун избили. Тогда другие драгуны стали стрелять и убили двоих крестьян: остальные крестьяне отступили, но залегли по всем дорогам, чтоб не пропускать команды; послана была другая команда, которая выручила секретаря и схватила троих зачинщиков мятежа: в других деревнях зачинщики разбежались при появлении команды.

Вятский воевода Дубенский постарался исторически объяснить Сенату положение крестьян в своей отдаленной и находившейся в особенных условиях провинции. Вятские крестьяне платят подати с трудом, потому что множество их за неимением своих земельных участков скитается, питаясь подаянием, а землями государственными по большей части владеют дом архиерейский, монастыри, купечество и разного чина люди. В этой провинции, как видно, сначала были места лесные и пустынные, которые при поселении отдавали черносошным крестьянам во владение на оброк; когда же стало людей умножаться, тогда эти крестьяне из отданных им земель продавали друг другу и, расчищая, селились деревнями; также отдавали на помин души в архиерейский дом, монастырям и многим сельским церквам в приклады, продавали посадским, приказным и всякого чина людям. После переписи 1722 года крестьяне за малоимением в своих деревнях земли расчистили в разных местах пустоши и лесные земли и поселились на них деревнями и починками, а по нынешней переписи написали их в прежних деревнях, а в новорасчищенных деревнях и починках никаких душ не написали, почему крестьяне подушных денег не платят, отговариваясь, что на этих землях душ не написано, а должны платить за них те, которые прежними их деревенскими участками владеют. Между Вятским и Устюжским уездами близ Черной речки поселились пришлые неизвестно какие люди в большом числе, поселились насильно и живут деревнями и починками, посылаемых к ним от Вятской канцелярии бьют и увечат, а следствия произвести нельзя за неимением известия о земельных дачах; да и в других смежных с Вятскою провинциею местах, подле Еранского и Казанского уездов, а более на Отяцких новокрещенских жалованных землях, таких же пришлых крестьян немалое число. Воевода предлагал прислать к нему из Вотчинной коллегии копию с писцовых книги по ним восстановить старые межи. Сенат приказал: отправить из Вотчинной коллегии межевщика, геодезиста и секретаря с копиями писцовых, межевых и переписных книг в возможной скорости и написать, что Сенат представлением Дубенского доволен.

В 1751 году статский советник Никита Демидов купил у князя Репнина имение в Обоянском уезде. Для отказа крестьян за нового помещика поехал майор с командою да серпуховской воевода. Когда они приехали в село Ильинское, то крестьяне их туда не пустили и по выслушании указа единогласно объявили, что они себя за Демидова к отказу не допустят и слушать его без кровопролития не станут. Это было осенью; а в конце года в то же село Ильинское отправился советник Вотчинной коллегии

Поляков; но навстречу к нему вышли в поле крестьяне, человек до 1500, с рогатинами, дубинами и прочим дрекольем и объявили, что его к себе в село не пустят, а чтоб прочел указ на том месте, где был остановлен. Поляков исполнил требование и поздравил крестьян, что они уже не принадлежат больше Демидову, а приписаны к собственным вотчинам ее императорского величества. Крестьяне отвечали, что за высочайшую милость благодарствуют, а его, советника, для переписки себя и приписки к собственным вотчинам государыни не пустят, потому что он послан по желанию и в пользу Никиты Демидова и высочайшая милость еще им невероятна, ибо военная команда стоит кругом их вотчины; сверх того, о приписке к государыниним вотчинам должны они ожидать указа из вотчинной ее императорского величества канцелярии. Сказавши это, крестьяне пошли обратно в село Ильинское, а советник возвратился в село Ивановское, в двух верстах от Ильинского, опять посылал требовать, чтоб пустили его в Ильинское, получил новый отказ и возвратился в Москву. Сенат, узнавши об этом, приказал объявить Полякову *реприманд* за то, что сделал не так: ему велено было только вотчины за Демидова не отказывать, а Демидову объявить, чтоб он вотчиною не владел и сборов с нее не собирал.

Это распоряжение, которое самим крестьянам показалось невероятным, не осталось без следствий. В 1752 году содержатель парусной и бумажной фабрики в Малоярославском уезде коллежский асессор Гончаров подал жалобу на непослушание крестьян. Посланную вследствие этой жалобы команду крестьяне встретили с оружием в руках в числе 800 человек. Команда остановилась, и в ее глазах крестьяне учились военной экзерциции, как надобно приступать и отступать, у них были какие-то необыкновенные ножи, и многие ходили в гренадерских шапках; они напали на команду, разбили ее, отняли пушки. Принуждены были послать бригадира Хомякова с тремя полками: ему удалось разбить крестьян благодаря артиллерии и утушить восстание.

После этого Хомякову дано было такое же поручение, только потруднее. Дворянин Евдоким Демидов подал просьбу: "В Калужской провинции куплена отцом моим у графа Головкина к железным нашим заводам волость Ромодановская; из крестьян этой волости треть, обученные мастерству, всегда находились в той провинции на наших заводах, другая треть - на сибирских заводах, остальные - на пашне. В 1741 году эта волость откладывалась от нас и крестьяне многие противности показывали, прикащика нашего до смерти убили; а в нынешнем апреле месяце с третьего числа та же Ромодановская волость самовольно от нас отложилась, воду из заводского пруда крестьяне всю выпустили, держащиеся в огне угольные дровяные кучи оставили, все люди разошлись, заводские работы остановились и крестьяне посланных наших к себе в деревни не пускают. Услыхав об этом самовольстве, крестьяне той же волости, обученные разным мастерствам и находящиеся на наших

Брынских и Дугненских заводах, многие, покинув работу, ушли в свою Ромодановскую волость, а от этого многие работы остановились".

Примером для ромодановских крестьян служило сопротивление крестьян Репнинской волости, которые, как мы видели, достигли своей цели - освободились от Демидова. Как только пришел приказ от владельца всех крестьян Ромодановской волости выслать на работы на Дугненский завод, то волость и поднялась; репинские говорили ромодановским: "Мы в челобитных писали, что Демидов грозил нас размучить, и тем от него отошли; и вы пишете, что знаете". Главными зачинщиками были крестьяне Горох, Рыбка, Бурлаков, Рыженков, Семенов, Рык, Чуприн и Волк; староста Бурлаков начал было отрекаться от бунта; но его стали бить и принудили продолжать дело. Живший в волости солдат Дмитриев обучал крестьян воинским приемам; вооружали не только всех мужчин, но женщин и девиц, нарядив их в мужское платье. Против возмущившихся был отправлен полковник Олиц с 500 человек команды; но он был разбит крестьянами и взят в плен; подполковник фон Рен, один капитан, прочих чинов и рядовых 30 человек были ранены тяжело, так что оказались к жизни безнадежны; 9 офицеров и 188 рядовых получили легкие раны; из крестьян было убито 59, ранено 42 человека. Тогда отправлен был бригадир Хомяков, усмиривший гончаровских крестьян. Демидовские крестьяне вышли и против него вооруженные, крича: "Мы ее императорскому величеству не противимся, да смерть себе от Демидова видим и в руки к нему нейдём". Река разделяла их от войска; солдаты начали стрелять, и видно было, что в крестьянских рядах было много убитых и раненых; но это не отняло духа у крестьян, и они ни на шаг не отступили от берега. Хомяков требовал, чтоб высланы были из них лучшие люди для истолкования им указа; лучшие люди пришли и объявили: "Мы ее императорскому величеству ни в чем не противимся и если за государыню будем взяты, а за Демидова нас не отдадут и о том объявят нам указ, то противиться не будем". Хомяков не решался напасть, ждал подкреплений; потом велел зажечь некоторые деревни и приступить к селу Ромоданову; крестьяне выступили из села, причем схвачено их было человек 200; но прочие разбежались и составили многочисленные разбойничьи шайки с огнестрельным оружием. В Петербурге нашли, что Хомяков действует очень слабо, и отдали его под военный суд. На его место явился генерал-майор Опочинин, которому удалось поймать 674 человека из возмущившихся крестьян. Главные зачинщики сосланы были в Сибирь на железные заводы Демидова с приказом употреблять их в тяжкие работы. Жалобы на мучительство Демидова объявлены вымышленными, ибо 257 мастеровых и заводских рабочих показали противное.

В том же 1752 году тульский купец Лугинин купил к полотняной фабрике в Белевском уезде село Сороколетово; но в это время пошел слух о восстании Ромодановской волости: сороколетовские крестьяне отказались ходить на фабрику, утверждая, что к фабрикам деревням быть не велено; они собрались всем миром в приходской церкви, призвали священников,

отслужили молебен и присягнули не слушаться Лугинина и друг друга не выдавать. При появлении военной команды крестьяне разбежались.

Дело не ограничивалось крестьянами, приписными к фабрикам и заводам. В 1752 году олонечские вотчины Хутынского монастыря отказали ему в повиновении. Три раза Новгородская губернская канцелярия посылала их уговаривать, но они посланных выгнали, команду били и бранили и единогласно кричали, что указа не слушают и подписываться не будут. Сенат велел послать достаточную команду, исследовать дело и зачинщиков высечь плетью нещадно.

Крестьяне Вятской провинции Хлыновского уезда Шланской волости вели дело законным порядком; поверенный от этой волости крестьянин Бесперстов бил челом в Сенате: имел он отъезд для торгового промысла в Оренбург; узнавши об этом, секретарь Вятской провинции Перминов прислал за ним как за своим крепостным крестьянином, прислал к старосте письмо, чтоб его сыскать и прислать к нему; его сыскали и привели к Перминову, который стал ему говорить, чтоб он с прикащиками его, которые от него торгуют под чужими именами собственными его, Перминова, товарами, съездил в Оренбург, и за это обещал наградить. Бесперстов отказался и отпущен домой; но староста Шланской волости получил от секретаря предписание обобрать у Бесперстова и отца его все их имение, хлеб и скот. Староста исполнил предписание, и Бесперстов отправился к Перминову жаловаться на безвинную обиду. Перминов сказал ему: "Поедешь в Оренбург с моими прикащиками, то все свои пожитки получишь назад, получишь и награждение за поездку; если же не поедешь, то и всю волость разорю". Бесперстов поехал в Оренбург с прикащиком Перминова хлыновским купцом Праздниковым, который жил в доме Перминова. С 1745 года по 1751 год Бесперстов прожил в Оренбурге и других городах, имея смотрение за прикащиками Перминова, всякий его товар принимал и отправлял, деньги взыскивал по векселям без всякого вознаграждения, а когда стал просить об увольнении, то Перминов прислал в Шланскую волость людей своих и все пожитки его и отца его забрал без остатку, взяли разного серебра три фунта, 10 лошадей, 26 овец, 21 свинью, три улья пчел, денег 30 рублей, и все отвезено в дом Перминова на мирских подводах; этими пожитками секретарь корытуется до сих пор, а Бесперстов и отец его скитаются меж дворами и кормятся мирским подаянием. Во всех государственных волостях Перминов обижает и разоряет крестьян, собирает разные сборы на свои домовые нужды, раскладывая их на всех крестьян по числу душ. В 1748 году схватил двоих крестьян Шланской волости и вымучил у них вексель в 400 рублей, а деньги взыскал со всех крестьян волости, расположа по числу душ. В том же году схватил 8 человек крестьян и вымучил вексель в 200 рублей и с одного из этих крестьян взыскал 100 рублей, а с прочих - по раскладке. Крестьяне бить челом не смеют не только в Вятской канцелярии, но и в Казанской губернской канцелярии, потому что многие челобитчики на него

едва не померли в тюрьме по его проискам; поэтому крестьяне и послали Бесперстова бить челом прямо в Сенат.

Если являлись такие тяжкие для крестьян секретари, как Перминов, то беда иногда приходила на них и от своего брата. Дворцовых тамбовских волостей беглый и наказанный кнутом крестьянин Иван Нагорнов с сообщниками сочинил фальшивый акт от имени всех крестьян этих волостей, будто бы им нужно занять денег на крестьянские потребности, а заплатят они овечьёю шерстью, собирая с каждой души по два фунта; на основании этого акта Нагорнов взял у московских купцов 760 рублей денег и в уверение платежа шерстью дал им вексель в 1000 рублей на имя всех сел старост и крестьян, после чего бежал из Москвы. Для предупреждения подобных случаев Сенат велел публиковать, чтоб никто не давал займы денег дворцовым крестьянам, посланным для хождения по делам.

На польских границах помещики и крестьяне по-прежнему терпели от крестьянских побегов. В 1752 году великолуцкие помещики подали жалобу, что люди и крестьяне их по подговору польских обывателей бегут за польский рубеж, пограбля пожитки их помещичьи и крестьянские, а польские обыватели всячески помогают им к побегу и поселению и потом подсылают в Россию для воровства, разбоя и грабежа, дают оружие и порох, уводят многих в неволю.

Кроме означенных случаев восстаний правительство по-прежнему употребляло отдельные воинские отряды в борьбе с разбойниками. В описываемые годы случаи разбоев являлись в Серпуховском, Каширском, Тарусском и Обоянском уездах. В 1751 году находившийся у сыску воров и разбойников от Калуги до Нижнего по обе стороны Оки подполковник Жеребцов доносил, что в его команде колодников 221 человек. В начале 1752 года Олонецкая воеводская канцелярия доносила, что теперь воровских и разбойничьих артелей и никакого об них слуху в продолжение двух лет и трех месяцев нет, поэтому для сыску их команде в Олонце быть не для чего. Сенат приказал: офицеру, взявши с олонцкого воеводы письменный реверс, что у них воров, разбойников, беглых солдат и рекрут нет, выступить с командою из города. Но там, где военные команды оставались, было видно, что они не могут действовать с успехом без помощи обывателей. Военная коллегия, которой тяжело было ведение этой внутренней войны, потребовала от Сената указа "о всеконечном прекращении пристаней вора́м и разбойникам, чтобы в селах и деревнях прикащики, старосты, выборные, соцкие и десяцкие помогали сыщикам в поисках за вредными людьми".

Ведшееся исстари явление - ожесточенные схватки на межах скоро должны были повести к общей мере для их уничтожения. Полковник Мяснов послал из крапивенской своей деревни Даниловки для кошения сена на свою дачу дворового человека Григорья с крестьянами, человек тридцать; но из села Крутиц помещиков Толбузиных вышел староста с крестьянами,

человек триста, напали на косцов, дворового Григорья убили до смерти, схватили 14 человек крестьян, увезли к себе в село и на помещичьем гумне, измучив их самым зверским образом, умертвили; помещики их, недоросли Толбузины, были тут. Для размежевания земель в Новгородском уезде послана была команда из 50 человек, но, когда начали межевать, монастыря Антония Римлянина келарь Евдоким, служитель Михайлов, староста и выборный со всеми крестьянами монастырской вотчины, человек более 1000, явились с дубьем, кольем и топорами и межевать не допустили, крича, что если станут межевать, то будут бить до смерти, останавливали солдат, хватая их за ружья и штыки, для рассеку между лесом рубить деревья не давали, где нужно было идти для измерения с цепью, какое дерево надобно было рубить, охватывали его руками, подставляли под топоры ноги и прочь толкали, чтоб только начать драку, и таким многолюдственным нападением фронт смешали. Келарь вытащил из рук солдата цепь, передние кольца ее разогнули, столб, привезенный для обозначения межи, с посмеянием оттащили назад.

20 января 1752 года граф Петр Ив. Шувалов подал в Сенате письменное предложение, что "ее импер. величества всеавгустейшей государыни милосердное известное предприятие и желание, дабы подданные под державою ее величества, дворянство и всякие владельцы недвижимых имений, обидимые лишением им подлежащих земель, удовольствованы справедливостью без обиды были, и для того неоднократно в рассуждении оных и ради пресечения донныне в спорах и завладении земель происходящих убивств, и во изыскании того кровопролитных следствий происхождение, попечительно милосердуя о государственном межевании, всемилостивейше упоминать соизволяет, требуя ведать, как скоро оно начнется, и чтоб тем не медлить. Сколько же известно, все книги, потребные к тому межеванию, по Вотчинной коллегии не токмо списаны, но прочтены и приготовлены по порядку находятся, а время того к начатию удобное приближается; того ради не соизволит ли Высокоправительствующий Сенат сие дело важное, государственное, дав ему пред другими преимущество о сочинении инструкции в избрании межевщиков, в установлении оногo во всех к тому потребностях немедленное начало учинить, чтоб начало того дела с началом весны действием произвести; а притом не соизволит ли Сенат в рассуждении постановления порядка основательного и за фундамент одну только Московскую губернию наперед размежевать; когда же оно окончится, тогда в прочих всех губерниях в одно время начать, для того что по большей части те затруднения, которые в оной, будут резолвированы". Сенат приказал: какие о том межевании в Сенате были определения и писцовые наказы и сколько в Вотчинной коллегии писцовых книг списано, все это собрав, предложить Прав. Сенату к рассмотрению немедленному, 19 февраля по предложению того же Шувалова Сенат приказал: публиковать во всем государстве, чтоб все, кто за собою деревни и земли имеют, на эти земли всякие крепости заблаговременно готовили, особливо те, кто деревни и земли имеют в Московской губернии, чтоб при

вступлении определенных к межевому делу межевщиков в том размежевании земель нимало препятствия и остановки последовать не могло; а в Вотчинную коллегию послать указ: иметь с писцовых и межевых книг копии во всякой готовности наперед одной Московской губернии.

Для прекращения драк и убийств на межах представлялось действительное средство - генеральное межевание; но труднее было правительству находить скорые средства против других беспорядков. 25 мая 1752 года императрица велела Сенату публиковать, каким образом она, к крайнему неудовольствию своему, слышит о разорении и притеснении подданных от ябедников, которые, не страшась суда Божия, стараются употреблять всякие вымыслы против правды и тем затягивают решение дел. Известно ее величеству, что в таких непристойных званию своему поступках упражняется отставной лейб-гвардии прапорщик князь Никита Хованский, которому впредь себя от того удержать и как явным, так и тайным образом ни под каким видом этого не делать и никому по делам никакого совета и наставления не давать под опасением лишения движимого и недвижимого имени и указного штрафа; равным образом, если кто с ним о каких приказных делах советовать станет явно или тайно и в том будет уличен, то как у него, князя Никиты, так и советовавшихся движимое и недвижимое имение отписано будет. Этот Хованский 19 лет не жил с женою, держал ее в крайнем притеснении и между тем давал полную волю страстям своим, 12 лет не приобщался; раздраженный публикациею о своем ябедничестве, он стал делать выходки против правительства, всех знатных особ называл одних дураками, других пьяницами. "Слава Богу, - говорил он, - что в Москве дворец сгорел: теперь поедет государыня в Петербург; из Петербурга ее выгнала вода, а из Москвы огонь". Его высекли плетьюми и сослали в Никольский козельский монастырь, потом велели жить в своих деревнях.

Отставной комиссар князь Жировой-Засекин в Юстиц-коллегии повинился в трекратном закладе и продаже одних и тех же своих недвижимых имений. Прокурор Штатс-конторы Андрей Батюшков побоями вымучил у своей жены крепость на приданные ее деревни, доставшиеся ей на седьмую часть после первого мужа, Унковского; Сенат приговорил его, лиша всех чинов, бить кнутом; но императрица простила его, приказав быть в отставке. Статскому советнику Полянскому велено было ехать на следствие в Вятскую провинцию; он укрылся от такой дальней, тяжелой поездки; тогда положено было запрещение на его недвижимое имущество, пока не явится. Полянский явился и подал просьбу, что приехал в Петербург и одержим тяжкой болезнью, которая препятствует ехать ему в Вятскую провинцию, и потому просит от службы и от посылки уволить, а деревни из-под запрещения освободить. Сенат приказал: Полянского отправить в Вятскую провинцию с провожатым солдатом, потому что когда он в Петербург теперь приехал, то и в Вятку ехать может. В доме у обер-кригс-комиссара Спичинского произошла драка, участниками были генерал-майор князь Владимир Долгорукий и ассессор Иван Данилов.

Почти пять лет тянулось следствие, наконец дело решили: Долгорукий, как зачинщик драки, должен был заплатить обиженному, секретарю Суровцеву, годовое жалованье за бесчестье и увечье; ассессору Данилову, который хотя не был зачинщиком драки, но самоуправным отпущением право свое потерял, вменить почти пятилетний жестокий арест в наказание, определить к делам тем же чином в другое место и удержанное жалованье по бедности выдать.

В законодательстве шло постепенно смягчающее движение. Петр Великий запретил употреблять пытку в малых делах; в 1751 году ее отменили в корчемных делах, причем Сенат проговорился и тем указал на необходимость общей отмены пытки. "По корчемным делам не пытаться, - говорит указ, - для многих в том затруднений и кровопролития, и чтобы, не стерпя пыток, не могли на кого и напрасно говорить, и те б, на кого станут говорить, и невинные не могли подпасть напрасному истязанию". Но это рассуждение одинаково прилагалось ко всем пыткам.

В описываемое время правительственным распоряжением обе столицы были лишены украшения, которое делало их похожими на дремучие леса: императрица запретила держать в Петербурге и Москве медведей, "а кто к оному охотник, держали б в деревнях своих и по ночам бы не водили". Другие города не были освобождены от медведей; некоторые из них были заняты другими важнейшими интересами. Мы видели, что Сенат для поимки беглых гончаровских крестьян велел послать усиленную команду; отправлен был драгунский подполковник Ангеляр; но и его команде крестьяне добровольно не сдались, надобно было брать их приступом, причем ранены были слегка один поручик и один драгун, двое драгунов ушибены были камнями, у одного унтер-офицера кафтан был прострелен пулею. Из крестьян один был убит наповал, другой умер от раны, легкие раны получили шесть человек, всего было взято 27 человек, из которых после померло и бежало пять человек. Так как жители Брянска, члены его магистрата, оказали явное сочувствие крестьянам, то, разумеется, они не могли остаться в стороне при следствии. Брянские купцы подали в Сенат челобитную, что подполковник Ангеляр велел капитану Пловецкому атаковать их дворы и никого не выпускать. От этой атаки, бывшей 5 июня 1751 года, произошел немалый страх, от которого женщины и дети были при смерти; беременные женщины разрешились преждевременно и от страха в болезни долгое время не говорили. Взят был Брянского магистрата ратман Сапожков, выборный к таможенным сборам Григорий Коростин, подьячий, закованы в тяжелые кандалы и держались более трех недель в великом утеснении; а кого дома не было, брали жен и держали под караулом в колодках. Кроме того, подполковник команду свою посылал по дорогам для поимки брянских купцов, которых и не требуют к суду; в надежде на это прикащик Гончарова Зайцев по всем дорогам около Брянска ставил караулы также для поимки брянских купцов, которых в Сыскной приказ не требуют же; в 30 верстах от Брянска схватили купца Кузьму Гридина, отняли у него лошадь, деньги, привели к Гончарову,

посадили на цепь и мучили, до сих пор неизвестно, что с ним случилось; другой брянский купец, Анисим Беляев, в доме Гончарова убит до смерти; да не только купцов и гончаровских крестьян по дорогам хватали, но и малолетних детей, которые в школах учатся, забирали. Видя такой страх, купцы, оставя дворы, жен и детей, разбежались, все брянское купечество пришло в разорение, торговые промыслы и подати едва не все пресеклись. После 5 июня, спустя дней с десять, Ангеляр с капитаном и с командою ходили по всем дворам и, разломав замки, описывали все пожитки и товары, которых при этом распропало немало.

Мы видели, что в деле Белгородского магистрата Главный магистрат восторжествовал: враждебный ему президент Андреев был привлечен к делу о фальшивых векселях и взят в особо учрежденную по этому делу комиссию, а на его место в магистрате назначен другой. Но комиссия о фальшивых векселях объявила, что в векселях, данных Андрееву, никакой фальши нет, и притом взяты они вовсе не насильственно; сам челобитчик векселей фальшивыми не называет, а говорит только, что они даны во взятку за исходатайствование свидетельства о состоянии. Сенат обрадовался и приказал восстановить Андреева и товарищей его в прежних чинах по магистрату, а вновь выбранных и Главным магистратом определенных отрешить, ибо по делу комиссии о фальшивых векселях и за показанными в челобитье белгородских купцов резонами Андреева со товарищи без следствия от магистратского правления отрешать не надлежит. Скоро после этого Сенат имел удовольствие наложить штраф на обер-президента Главного магистрата Зиновьева; прокурор Суворов подал предложение с прописанием точных указов и с показанием основательных резонов; Зиновьев отстранил это предложение определением, сделанным им только от одного своего имени, толкуя неправильно прописанные у прокурора указы и регламенты; кроме того, определил сам собою в контору Главного магистрата ратсгера Ольхина без общего со всеми присутствующими рассуждения и утаил представление в Сенат. Прокурор донес об этом генерал-прокурору, и Сенат велел взыскать с Зиновьева сто рублей.

В Орле возникла ссора между полицмейстером Бакеевым и президентом магистрата Уткиным, вследствие чего пошли беспорядки в городе; жители не стали помогать полиции: пойманных в драках разных чинов людей у полицейских служителей отбивали, и стоящие при рогатках на карауле купцы озорников под караул не брали и в полицию не приводили, опасаясь Уткина, который запретил и соцким помогать полиции; отсюда в Орле днем и ночью происходили необыкновенные крики и драки. В северных городах было покойно. Здесь устюжское купечество, обиженное своею провинциальною канцеляриею, искало управы законным путем и получило ее. Купцы жаловались Сенату, что канцелярия наложила запрещение на их деревенские земли и участки, а они владеют землями старинными родовыми с лишком за 200 лет, и на тех деревенских землях живут из черносошных волостей крестьяне-половники с записями по договору, у

кого сколько лет пожелают жить, а не купленные. Сенат приказал: деревням по-прежнему быть за ними неотъемлемым и половников содержать, куда они быть захотят, до будущего впредь рассмотрения.

В Петербурге генерал-прокурор обратил внимание Сената на злоупотребления, какие позволяли себе иностранцы; иностранные купцы, которые в петербургское купечество не были записаны и в розницу торговать не имели права, также и другие разных чинов люди, особенно жившие в качестве домашних учителей, и мадамы, обучавшие детей, также камердинеры и кухмистры не только продают товары в розницу в домах, но и по улицам для продажи разносят. Сенат велел повестить хозяевам, у которых жили эти иностранцы, чтоб они запрещали им производить такую торговлю, в противном случае сами подвергнутся штрафу. Из противоположного конца России, из Оренбурга, продолжали приходить хорошие вести. В конце 1751 года Неплюев донес, что из Оренбурга с начала года вступило в Россию золота 13 пуд. 1 фунт 15 золотников, серебра - 1186 пуд. 22 фун., пошлин взято 82949 рублей.

Говоря о состоянии русского купечества в описываемое время, нельзя умолчать о судьбе одной книги, для него назначенной. Коммерц-коллегия представила Сенату, что она рассматривала переведенную ассессором Академии Волчковым книгу под заглавием "*Совершенный купец*", и хотя она до коммерции прилична, токмо к понятию российскому купечеству за необыкновением их к объявленным в ней торговым обращениям немало трудная и за тем к покупке оной многих охотников быть не уповательно, чего для напечатать ее на счет оной коллегии ненадежно, ибо и Савариева лексикона напечатано в 1747 году 1200 книг, на которую печать употреблено 3583 рубля, а продано поныне только 112 книг на 411 рублей; и для того не соизволит ли Прав. Сенат повелеть ту книгу, сколько потребно, напечатать и в продажу любопытным людям употребить от Академии наук, а за перевод той книги ассессору Волчкову, который имел труд немалый, награждение до 400 рублей из казны ее импер. величества учинить надлежит. Сенат приказал напечатать на счет Коммерц-коллегии 400 экземпляров и, оставя из них для здешней продажи сколько по рассмотрению той коллегии надлежит, остальные все отослать в Главный магистрат, а ему разослать в губернии и провинциальные магистраты и велеть раздать купцам, взыскав с них деньги по той цене, по чему они стали безо всякого лишку, ибо она книга до собственного их купеческого употребления и пользы принадлежит; Волчкову 400 рублей выдать; с Савариевым лексиконом поступить точно так же, как и с "*Совершенным купцом*".

Из больших городов в описываемое время сильно пострадала от пожара Казань: 12 июля 1752 года сгорело в ней 900 дворов, разломано было 38, сгорела суконная фабрика Дряблова, два кожевенных завода его же, на Адмиралтейском заводе сгорела кожевня. Истребление фабрик и заводов было особенно чувствительно для молодой русской промышленности.

Правительство продолжало следовать примеру Петра Великого, при первом удобном случае переводило казенные фабрики в частные руки: так, отдана была казенная суконная фабрика в Путивле в вечное и потомственное владение московскому купцу Матвееву. В описываемое время очень заботились о заведении шелковичного производства, тяготясь зависимостью русских шелковых фабрик от привоза шелка из Персии, где по смерти шаха Надира происходили смуты, которым не предвиделось скорого конца. Астраханскому купцу Бирюкову дали позволение заводить и размножать шелковые и бумажные заводы, строить фабрики для тканья из шелку парчей, а из хлопчатой бумаги - пестрадей, покупать к этим заводам и фабрикам людей: мужчин до ста душ, а женщин сколько понадобится. Бирюков представлял, что у него близ Астрахани собственный свой крепостной двор с огородом, где насажены виноградные деревья; в том же огороде тутовых 500 деревьев, с которых снимается листу довольно число, и тем листом кормятся шелковые черви, дающие шелку в достаточном количестве; Бирюков представил в Сенат и пробу выделанного им шелку. Генерал-прокурор предложил Сенату в 1752 году, что в России шелковых парчей мануфактуры умножаются, а шелковых заводов почти ничего нет, достают шелк из Персии по настоящим тамошним обстоятельствам очень дорогою ценою, тогда как в России тутовых деревьев и к размножению их мест довольно. Так не рассудит ли Прав. Сенат писать к малороссийскому гетману, чтоб он во всей Малороссии велел публиковать, не пожелает ли кто заняться шелководством, то же публиковать в слободских полках и в Оренбургской и Астраханской губерниях, чтоб занимались шелководством, не требуя указов из Мануфактур-коллегии, но только давали ей знать о существовании производства, и если такое производство действительно окажется, то заводчики из купечества будут уволены от служб и постоя и шелк их до 10 лет будет продаваться беспошлинно. Сенат согласился.

В конце 1752 года в Сенат поступила просьба коллежского советника и Академии наук профессора Михайла Ломоносова, что он желает к пользе и славе Российской империи завести фабрику делания изобретенных им разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок, стеклярусу и всяких других галантерейных вещей и уборов, чего еще поныне в России не делают, но привозят из-за моря великое количество ценою на многие тысячи; а он, Ломоносов, с помощью Божию может на своей фабрике делать помянутых товаров не токмо требуемое здесь количество, но и со временем так размножить, что и за море отпускать оные можно будет, которые и покупать будут охотно, ибо вышеписанные товары станут здесь заморского дешевле для того, что принадлежащие к сему делу главные материалы здесь дешевле заморского. Каковы изобретенные им стеклянные составы, тому приложил пробы, также и некоторых из них деланных вещей и просил учинить вспоможение: отвести в Копорском уезде село Ополье или в других уездах от С. - Петербурга не далее полуторасот верст, где мужеска пола около 200 душ имелось, с принадлежащими к нему деревнями, лесами и другими угодьями, и тому

лесу и крестьянам быть при той фабрике вечно и никуда их не отлучать, ибо наемными людьми за новостию той фабрики в совершенство привести невозможно, и в обучении того как нового дела произойти может немалая трудность и напрасный убыток, для того что наемные работники хотя тому мастерству и обучатся, но потом их власти или помещики для каких-нибудь причин при той фабрике быть им больше не позволят, то понадобится вновь других обучать, а после и с теми то ж учинится, отчего в распространении фабрики может воспоследовать крайняя остановка. На строение на оной фабрике сараев, на печи, на инструменты и на материалы сперва выдать из казны денег 4000 рублей без процентов, которые он обещается выплатить в пять лет, и пожаловать ему на сию фабрику привилегию на 30 лет. Сенат согласился, относительно же пожалования села Ополя решил доложить императрице с ходатайством.

Еще в 1745 году по определению Главного магистрата для возобновления в Москве серебряного черневого и финифтяного дела высланы были мастера: черневого дела из Устюга Климшин, финифтяного из Сольвычегодска Попов, и в том же году московский купец Кункин просил, что желает он этому мастерству обучаться, и с присланными мастерами письменно обязался, что ему их в Москве, пока они его обучат, содержать на своем коште и, сверх того, дать им награждение. Главный магистрат согласился. В 1746 году Кункин объявил, что он черневому мастерству обучился, и представил сделанные им табакерки, которые оказались доброго мастерства, почему Климшин и отпущен в Устюг, а Попов еще оставлен для доучивания Кункина. Теперь в 1751 году Кункин просил, чтоб ему позволено было производить одному изделие священных вещей, сосудов, крестов, окладов, ибо другие серебряники делают эти вещи безобразно. Сенат согласился, чтоб Кункин один делал священные вещи в Москве и продавал без повышения цены, но остальным серебряных и золотых дел мастерам, которых в цеху записано было всего шесть человек, делать только вещи для домашнего убранства и для частного, а не церковного употребления.

Для истории промышленности в России любопытна история одного мастера, обученного при Петре Великом. Комиссар Шаблыкин подал просьбу, что в службу взят он в 1718 году из недорослей и определен на Петербургскую шелковую и коломинковую мануфактуры в ученики, мастерству этому обучился у иноземных мастеров; в 1723 году пожалован мастером и обучил многих учеников, из них некоторые мастерами удостоены и определены в Москве на частные фабрики. Когда Петербургская фабрика была упразднена, то ученики его и инструменты отданы в Ярославль купцу Максиму Затрапезному, а ему, Шаблыкину, из той же казенной фабрики некоторая, самая малая часть для его пропитания дана в награждение: учеников два человека, инструментов и с котлами безденежно на 49 рублей да материалов с возвращением за них в казну денег 35 рублей. Он жил и работал в Новгороде; ученики его в городе и уезде во многих шляхетских и прочих домах скатерти и салфетки и прочие

полотна делают, и это мастерство совершенно вкоренилось и размножается. В 1743 году определен он от Кабинета к возобновленной полотняной мануфактуре мастером, а в 1746 сделан при ней же комиссаром, но служит без жалованья, на своем коште и рангом никаким не награжден, почему просит наградить, а московских шелковых мануфактур мастера Ивков и Воделов награждены рангами поруческими. Сенат приказал наградить и Шаблыкина рангом поруческим.

Относительно промышленности первоначальной граф Петр Шувалов указывал, что благодаря ему промыслы морских зверей процветают в Белом море: когда в 1748 году ему были отданы эти промыслы, то с них пошлин взято 1653 рубля, а в 1750 году заплачено в казну 5231 рубль. На Ладожском озере тюлений промысел был отдан ему же, а в 1751 году он объявил Сенату, что так как в Астрахани и около нее в Каспийском море тюлений также много, но с давних лет их ловлею не занимаются, то он имеет намерение и астраханский тюлений промысел взять в содержание для его усиления по 1768 год. Сенат приказал отдать.

Шувалов имел право гордиться и удачею своих планов относительно распространения источников добывания соли и относительно ее продажи. В 1750 году соли в продаже было 6112529 пудов, денег в сборе - 2 миллиона 38 тысяч 31 рубль, прежней прибыли - 700453 рубля, новой прибыли - 510124 рубля; из этой суммы 210577 рублей Соляная контора должна была отослать в Главный комиссариат для замены в подушный сбор, именно с каждой души складывалось по три копейки. В указе, данном по этому случаю, говорилось, что предполагалось прибыльных денег больше; но оказалось, что во многих местах продавалась подвозная, ломанная на степных озерах и из прочих мест соль в подрыв казенной продаже; также во многих отдаленных от городов местах казенной соляной продажи не было устроено и целовальники обвешивали и позволяли себе другие воровства; против всего этого приняты теперь меры, и государыня надеется, что прибыльных денег будет больше; кто узнает о злоупотреблениях, должен объявлять, чтоб положенные в подушный оклад люди могли получить наибольшее облегчение. В 1751 году продано было соли больше 78869 пудами, и в 1752 году велено Соляной конторе отослать в Главный комиссариат 210000 рублей, а комиссариату из подушного оклада выключить с каждой души по три копейки с четвертью.

Увеличение источников добывания соли прекращало затруднения, которые терпело государство от невольной монополии пермских солеваров. В 1750 году императрица велела прибавить баронам Строгановым по три копейки на пуд; в следующем году нашли необходимым прибавить им на суда еще 600 казенных рабочих сверх прежних 2000; но в том же году Сенат принял в соображение, что баронам Строгановым велено вываривать соли и ставить в Нижний по три миллиона пудов, а теперь в тамошние магазины элтонской соли вывезено более четырех миллионов пудов, отпущено 95000 пудов да имеется к отпуску 300000 пудов; кроме того, астраханского

бузуну в Нижнем более 700000 пудов; поэтому Сенат приказал: для сохранения лесов, которые употребляются на выварку пермской соли и строение судов, и чтоб миновать нарядов с Казанской губернии рабочих на суда для сплавки этой соли на будущий 1752 год велеть Строгановым выварить соли и поставить в Нижний и оттуда в Верховые города не более двух миллионов пудов, потому что третий миллион отпустится элтонской соли. По особенным условиям России, разумеется, и тут не обошлось без препятствий, ибо новые источники добывания соли находились на окраинах, издавна знаменитых как приволье *гулящих* людей, противоположавшихся народонаселению внутренних областей. Определенный к смотрению за добыванием и вывозом соли с Элтонского озера полковник Чемадуrow доносил, что на плывущих Волгою судах от воров и разбойников чинятся многие грабительства и смертоубийства, а рабочие, которым по множеству их можно было обороняться, нисколько не охраняют судов и хозяев, а другие даже помогают злодеям. Сенат мог только приказать обязать рабочих, чтоб помогали, объявив указ с запискою.

Для противодействия злоупотреблениям по продаже вина учреждена была в 1751 году особая Корчемная контора. Табачный откуп во всех местах, где существовал, отдан на шесть лет за 70000 рублей на год.

До последней ревизии считалось 5794928 душ податного состояния, а с них подушных денег собиралось 4687654 рубля 10 копеек. По последней ревизии явилось 6614529 душ, и с них подушных денег - 5334900 рублей 70 копеек. Шувалов представил Сенату, что по его предложению решено было брать оклад с новоприписных с 1747 года, не дожидаясь окончательно числового вывода по ревизии, и в четыре [года](#) с прибылых душ собрано 3117289 рублей, и потому просит внести в доклад императрице, что такая прибыль сделана по его представлению.

В июле 1751 года на монетных дворах за сложением по указам Сената имевшихся с 1735 года на Штатс-конторе и прочих местах долгов и за внесением в Кабинет е. и. в. переделанных червонных, и золотых, и серебряных медалей и жетонов состояло всего капитала на 1405990 рублей да долгов по Штатс-конторе - 352463 рубля, на Сибирском приказе - 9502 рубля, на Дворцовой канцелярии - 1171 рубль, на Сибирской губернии - 41745 рублей, итого 404882 рубля; наоборот, Монетная канцелярия была должна Главному комиссариату 200000 рублей. Весною 1752 года Сенат велел отпустить с денежных дворов в Штатс-контору до 300000 рублей; Монетная канцелярия отвечала, что на петербургском Монетном дворе в наличности 180473 рубля, а в Москве - только 7118 рублей, но и эти деньги подлежат в отпуск; сверх этих наличных монет в Москве в переделах серебра до 900 пуд, и передел производится с крайнею поспешностью, а в Петербурге ефимков до 242 пудов, только вскорости переделать никак нельзя. Сенат приказал: наличные деньги все отпустить и потом отпускать по мере переделки серебра и ефимков, да отпустить деньги, которые в мае

месяце должны заплатить питейные откупщики. В августе та же история: опять сенатским указом велено отпустить по требованию Штатс-конторы заимообразно с денежных дворов 300000 рублей; Монетная канцелярия представляет, что на петербургском Монетном дворе в наличности только 8313 рублей, а в Москве - 44560 рублей (в том числе русских червонных, которые в расход не употребляются, - 3422 рубля да медных денежек и полушек - 22410 рублей), а сверх тех наличных хотя в переделе серебра в Петербурге до 375 пудов, в Москве - 825 пудов, но этого серебра переделать в монеты скоро никак нельзя, да и по выходе из передела монет кроме других расходов по сенатским указам надобно в Камер-контору за ту же Штатс-контору заплатить 200000 рублей. Сенат приказал: наличные деньги и по выходе из передела 300000 рублей прежде всего отпускать в Штатс-контору, а потом уже 200000 в Камер-контору.

15 декабря 1752 года издан был всемилостивейший манифест о прощении доимок подушного сбора с 1724 по 1747 год, которых было 2534008 рублей, причем правительство объявило о благоприятном положении государства: "Империя так силою возросла, что лучшего времени своего состояния, какое донныне ни было, несравненно превосходит в умножившемся доходе государственном и народа, из которого состоит и комплектуется высокославная наша армия, ибо как в доходах, так и в упомянутом народе едва не пятая часть прежнее состояние превосходит".

Так объявляло правительство о материальном состоянии России. В нравственной жизни русского общества 1752 год замечателен изданием так давно ожидаемой Библии. 23 февраля императрица указала публиковать из Сената во всей империи, что начавшаяся исправлением при жизни Петра Великого Библия ныне совсем уже окончена и напечатана, которую продавать велено без переплету по пяти рублей, и чтоб всякий, зная о том, более пяти рублей не платил, чтоб перекупщикам пересечь путь к повышению цены, ибо книг печатается и вперед будет печататься довольное число. Через несколько дней в "Петербургских Ведомостях" читалось следующее объявление: "При канцелярии Св. Прав. Синода каждые недели в пяток пополудни продаваться будет напечатанная вновь Св. Писания Библия, которая начата по природно-благочестивейшему усердию при жизни вседражайшего ее импер. величества государя родителя и императора Петра Великого, сведением и исправлением с верными греческими книгами и ее импер. величеству от Св. Синода всеподданнейше поднесена, духовным и знатнейшим в Петербурге и находящимся в рангах военным и штатским и купечеству, всякому из них каждому купить желающему по пяти рублев книгу, токмо для всякого его самого по единой с имянною запискою, с объявлением (ежели б кто стал требовать более числом) того, что к последованию всем и всяких требующим удовольствия имеет в непродолжительном времени неоднократно печатанием издано быть оных книг немалое число, о чем сим объявляется".

Самое трудное для Синода дело окончилось; но у его членов по-прежнему происходили неудовольствия с обер-прокурором князем Шаховским. В марте 1752 года генерал-прокурор объявил в Сенате, что по определению последнего в Синод послано шесть человек юнкеров, но их в Синоде не принимают и они живут праздно. Представлен был рапорт синодального обер-прокурора с объяснением причин непринятия юнкеров; на предложение его, Шаховского, о принятии юнкеров два присутствующие синодальные члена объявили, что они без присутствия большого числа членов точной резолюции положить не могут, но в собраниях более двух членов очень редко бывает. Сенат положил иметь с Синодом конференцию, а юнкеров определить в другие места. Синод в это время занимал вопрос о законности некоторых браков. 20 сентября 1752 года Шаховской объявил Синоду выговор императрицы, для чего дело о браке поручика Пушкина до сих пор остается без решения. Императрица очень недовольна, что член Синода Стефан, архиепископ новгородский, письменными своими рассуждениями присуждает развод и что относительно таких браков, которые многие века бесспорно были позволяемы, теперь между членами Синода происходят споры (отчего многим немалые оскорбления и разорения приключиться могут). Ее величество повелела объявить, что если преосвященный Стефан не согласен с большинством членов, то пусть утверждает, приводя основания не от своего рассуждения, но из Св. Писания, из книг, принятых православною нашею церковию и вероятия достойных, и эти печатные книги представил бы самой ее величеству. 7 октября по поводу тех же дел происходил в Синоде следующий разговор: обер-прокурор, обратясь к Стефану новгородскому, предложил ему выслушать поданное мнение преосв. рязанского. "Я ездил ко двору ее импер. величества, - отвечал Стефан, - ездил во исполнение высочайшего повеления с приличными к тем делам книгами; но представить книги времени не улучил". *Шаховской.* Таким разбиранием споров по книгам ее величество утруждать без крайней нужды не следует, разве тогда, когда не изобретете уже никакого способа к соглашению с прочими членами; а теперь бы поискать согласия, что ее величеству было бы гораздо угоднее, чем решать несогласия ваши по книгам. *Стефан.* Пока в силу высочайшего повеления не подам ее величеству книг, ни в какое рассуждение по этим делам не вступлю. Тут Шаховской обращается к протоколисту и велит записать это объявление в журнал. "Что это, зачем записывать! - закричал Стефан. - Члены не приказывают, а один оберпрокурор приказывает записать в журнал". "Я, - сказал Шаховской, - приказываю протоколисту исполнять не мои прихоти, но то, что он обязан делать по регламенту, и протоколист при таком исполнении состоит не под вашим, а под ее величества повелением, а моя должность наблюдать, чтоб он был исправен". Стефан повторял, что протоколисту надобно записывать то, что члены приказывают, а ежели такое помешательство со стороны обер-прокурора происходить будет, то членам незачем и в канцелярию ездить.

Мы видели заботы Синода о том, чтоб духовенство не подвергалось насилиям от светских людей. В описываемое время случилось событие, которое потребовало всей строгости церковной и гражданской власти. В 1751 году в Серпуховском уезде надворный советник князь Иван Вяземский, встретив священника, идущего с дароносицею для приобщения больной крестьянки, бил его конскою плетью, велел бить и крестьянам своим; они, избивши его, притащили за волосы в село Вяземского Пущино, причем дароносицу оборвали, изломали и Агнец утратился; потом священника опять начали бить дворовые, и крестьяне, и сам Вяземский. Синод приговорил: Вяземского послать в вечное заточение в дальний монастырь, держать скованного, на хлебе и квасе, допускать в церковь на паперть только в праздничные и воскресные дни, причастить св. тайн только при смерти; крестьян его, бивших попа, наказать плетью нещадно; попа за то, что, будучи позван поутру, засиделся в гостях и пошел к больной только после вечерни и, имея при себе дароносицу, дерзнул в поле отбирать лошадь свою у крестьянина князя Вяземского и тем положил начало такой страшной продерзости, послать на год в монастырские труды.

Из отдаленной Вятки пришла жалоба на самоуправство особого рода. Секунд-майор Бестужев, будучи в Вятской провинции при подушном сборе, представил, что архиерейский дом и монастыри неправильно завладели черносошными государственными крестьянами; в свою очередь архимандрит Трифонова монастыря Потемкин и консисторский секретарь Головков донесли, что Бестужев долговременною недачею квитанций в приеме рекрута и лошадей вынудил взятку в 50 рублей. Наряжено было следствие. Между тем 29 июня, в праздник апостолов Петра и Павла, в день именин наследника престола, в Хлынове в соборе было архиерейское служение; дьякон Свирепов говорил проповедь и, обличая людей, не уважающих святыню и сан духовный, при словах: "Ты лежишь... а священник у ворот с крестом стоит" - указал рукою на Бестужева. После обедни на молебне при раздаче свеч, когда Бестужев вместе с другими подошел за свечою к епископу Антонию, тот не дал ему свечу в руки, а бросил, отвернувшись, и потом, обратись к нему и грозя пальцем, закричал: "Ты арлекин" - и при этом стал кривляться, передражнивая, как Бестужев ходит; потом велел было вывести его из церкви, но одумался, оставил, а велел принести ящик, куда кладутся штрафные деньги с разговаривающих в церкви, хотя Бестужев не говорил ни слова; наконец, велел взять у него трость.

Еще далее, в Тобольске, началось дело между митрополитом и бухарцами с татарами. В Сенат явились поверенные тобольских и тарских бухарцев и служилых и ясачных татар с жалобою: тобольский митрополит Сильвестр причиняет им несносные обиды: схвачены были татары и бухарцы, жены, и дети, и дворовые люди и отданы на митрополичий двор, там держали их в оковах, морили голодом и этим заставили многих креститься и малолетних, а митрополит вымучивает у них доношения, что они крестятся по своему желанию. Митрополит присылает в их юрты русских священников будто

для увещания и принятия христианской веры; но эти священники, ездя по юртам на их лошадях и коште, только пьянствуют и требуют с них подарков, а если кто не даст, то по возвращении митрополиту напрасно наговаривают, будто бы они, татары и бухарцы, поносят веру христианскую и священников бранят; особенно живущие между ними новокрещены ложно доносят на них митрополиту в хуле на христианскую веру, и по этим доносам их берут в консисторию и без всякого следствия бьют смертельными побоями и этим заставляют подавать доношения о желании креститься, а доносчиков отпускают с наградами, отчего они, татары и бухарцы, пришли в крайнее разорение, не смеют для купечества и звериного промысла из домов своих отлучиться, чтоб без них митрополит жен и детей их не побрал и не принудил креститься.

Когда митрополиту дали знать об этой жалобе, то он отвечал, что все это неправда, и в свою очередь прислал список обвинений: татары и бухарцы тайну св. крещения хулят, говорят: "Черт ли нам велит креститься и в веру такую идти!" Злохулительные на христианство письма на татарском, персидском и арабских языках носят на головах в шапках и на груди. Христианство идолопоклонством называют; новокрещеных ругают собаками и демонопоклонниками; склоняют их в свой закон; одного русского человека уговаривали принять магометанство, а других русских насильно питьем и едою оскверняют. Для волшебства носят лоскутки от саванов с мертвых тел, чтоб не чувствовать пытки; в юртах своих сводят христиан с магометанами на незаконное смешение. По разорении у них мечетей на основании указов 743 и 744 годов собираются молиться в юртах. Колют иконы и бросают их на землю; с христиан срывают кресты, бросают на пол, плюют и топчут. Барабинцев и не имущих никакого закона остяков, вогуличей, калмыков в свой закон целыми деревнями превратили.

На самом отдаленном краю Сибири шла истребительная расправа с туземцами, которые не хотели признавать русского господства. В феврале 1752 года ночью в Охоцке содержащиеся под караулом изменники-коряки возмутились, перебили часовых и засели в тюрьме. Охоцкий командир осадил тюрьму и сейчас же послал жителям приказ перевязать коряков, которые у них жили в работниках. На рассвете русские приступили к тюрьме и начали палить в нее из ружей и пушек; коряки сначала отстреливались из ружей; но потом, видя, что не отстреляться, зажгли тюрьму и все погибли. Рабочие-коряки на другой день расспрашиваны и признались, что с тюремными коряками были в согласии и хотели хозяев своих в ту ночь побивать; а потом когда бы товарищи их вышли из тюрьмы, то они с ними убили бы командира и всех русских, острог выжгли, ушли в свою землю и не были бы в русском подданстве. Русские решили казнить всех этих коряков смертью, потому что за караулом держать было нельзя: их было слишком много, а русских слишком мало.

На юго-западной, европейской Украине - в Малороссии ждали гетмана Разумовского с его ментором Тепловым. 3 марта 1751 года с большою

церемониею Разумовский принес присягу в своем новом звании и получил из рук императрицы булаву и другие гетманские знаки. Для отправления нового гетмана в Малороссию уже было нанято Сенатом 125 подвод, за которые заплачено по 3 рубля за каждую лошадь; но Разумовский потребовал, чтоб от Петербурга до Москвы и от Москвы до Малороссии на каждом почтовом стану было приготовлено для него по 200 подвод, и, когда гетманская супруга проедет, тогда с каждого стана две трети подвод распустить, а треть оставить для самого гетмана. Ее величество пожаловала Академии ассессора Теплова за его прилежание и труды в коллежские советники; но гетман малороссийский просил, чтоб ему дать оного Теплова для правления его домашних гетманских дел, и ее величество повелела Теплову быть при гетмане в Малороссии всегда в таком звании, в каком гетман заблагоусмотрит по его чину, и получать ему свое довольствие от гетмана. Только в июне месяце Разумовский выехал из Москвы в Малороссию, и об этом отъезде дано было знать в "Петербургские Ведомости": "Июня 18 числа его ясновельможность г. гетман обеих сторон Днепра и Войск Запорожских, президент Академии наук, подполковник лейб-гвардии Измайловского полка и кавалер граф Кирилла Григор. Разумовский в провожании всех знатнейших чинов и многого знатного дворянства отправился отсюда в путь благополучно, причем некоторые провожали его ясновельможность до первой станции - Пахры; а 21 числа его ясновельможность прибыл в Тулу и от знатнейших тамошнего города благополучным приездом поздравлен и богато трактован".

К 30 июня значительнейшие малороссияне съезжались в Глухов к приезду гетмана. Компанейские полки, запорожцы, депутация, архимандрит, протопоп и несколько священников, генеральный писарь Безбородко и десять бунчуковых товарищей, встретившие его на дороге, присоединились к свите. Когда поезд приблизился к Глухову, то генеральный есаул с бунчуковыми и запорожцы окружили гетмана; полки стояли в два ряда от Севских ворот до самого гетманского загородного двора, отдавая честь Разумовскому при звуках музыки и ружейной стрельбы, пока не началась пальба из пушек. У городских ворот гетман был встречен генеральною старшиною и генеральный есаул говорил речь; в церкви св. Николая архимандрит окропил его святою водою и сказал речь. Из церкви отправились все в гетманский дом. Киевский архиерей также приехал в Глухов познакомиться с новым правителем Малороссии: посетил его поутру - не мог видеть, гетман еще опочивал; поехал вечером - не застал дома, гетман поехал прогуливаться. Жители Глухова видели, как преосвященный разъезжал, добиваясь понапрасну лицезреть сына Разумихи, великими заслугами достигшего столь важного сана.

По крайней мере стало весело: Глухов сделался маленьким Петербургом: в доме гетманском играли французские комедии, на которые приглашался знатный люд. Теплев играл важную роль: к нему знатные малороссияне считали обязанностью ехать поздравлять с рождением дочери. Ассессор

Академии сближается с образованными малороссиянами, меняется с ними книжками.

А на юге в степи разгуливали большими шайками гайдамаки, не давая покоя пограничным польским владениям, "почти ежедневно водою и сухим путем чинили везде бесчисленнейшие насильства дерзостнейшим и бесчеловечнейшим образом". Но в то же время явилась попытка дать степи со стороны польской границы военное население другого рода, чем козаки, попытка, едва не нарушившая добрые отношения России к Австрии и поведшая к окончательному разрыву между канцлером Бестужевым и его братом графом Михаилом Петровичем.

Канцлер крепко держался на своем месте, пользовался полною доверенностию императрицы, по-прежнему неуклонно проводил свою систему осознания европейских держав, чтоб связывать руки Пруссии и Франции, преимущественно первой. Но он постоянно страдал безденежьем и в октябре 1752 года обратился к императрице с следующею просьбою: "Всемиловитейшая государыня! Я такой тягости долгов подпал, что оной прибавить уже невозможно. Кредиту тем лишаюсь, никакого уже заимодавца, кто б меня ссудил, не нахожу и так что при наступающей поездке в Москву, как с места тронуться, не знаю. Все заложено, что с пристойностию заложить можно было. Но правда, ежели б я не канцлер толь великой и справедливо наибольшей в свете монархини был, то, может быть, имеющим от руки ж вашего величества иждивением мог бы несколько пробавиться, только себя не поправить. Доходы со всемиловитейше данных мне деревень и со окладным жалованьем не сочиняют полных 12000 рублей; из того уже само оказывается, возможно ли мне было тягостных долгов избежать, когда я в тоже время так жить старался, как канцлеру всероссийской самодержицы долг и должность повелевают. Были мои излишества в строении, но были ж и такие великие издержки, кои я по должности сделал. Таковы суть московские поездки и разные великие торжества. Не знаю токмо, не можно ли, однако ж, и первых в число сих последних включить, ибо ежели б в первом, т. е. в строении здешнего, а паче ныне московского дома, я мог несколько убавить, то таким же образом и в другом поступил бы, ежели б я паки не канцлер вашего императорского величества был. Вновь почти построив пожалованный мне здесь дом, а все в долг, за который в 50000 его на 10 лет тогда ж и заложил, не мог паки выкупить потом пожалованными сорокью тысячами рублей, так что и поныне в закладе остается, чему и половина сроку минула, ибо теми деньгами другие необходимые нужды исправить и мелкие немногие долги заплатить и тем свой кредит несколько поправить тогда старался. Внутреннего не всякий видит; но что сказали б послы, министры и другие иностранные обо мне, да не обо мне, но о канцлере вашего величества, когда б я, живши сходно с возложенною на меня милостию и рангом, под старость бедничал, когда другие, таких должностей и рангов не имеющие и о которых в свете разве по случаю говорено будет, от часу знатнее, огромное и великолепнее живут?

Повторяю, может мне в излишество причтено быть строение так большого в Москве дома? Я сам то еще больше чувствую, ибо, зачав его весь в долг строить, до последней крайности и дошел. Но, всемилостивейшая государыня, клянусь Всеведущим, и то не для моего тщеславия или самолюбия. Много было бы сказать и для украшения города, однако ж то истина, что, скупя разные пустыри, искривившиеся хижины и мерзвившие болота, все в проспекте императорского дома стоявшие, за нужно и должно я находил такое строение на том месте поставить, которое, стоя против и подле императорских домов, не казалось бы близостию своею отнимать их великолепие; а для меня партикулярно при 60 годах старости и по тридцатитрехлетней верной и беспорочной и всегда честной службе оно и совсем ненадобно. Я не знаю, удастся ли мне в мой век в оном жить, ибо, не имея чем достроить, он теперь так и остановился; буде ж то для остающегося по мне сына, то прямо, хоть и горестно; скажу, что для него и конуры не построил бы. Сии обстоятельства, а паче всего поездка к Москве принуждает меня прибегнуть к изобилующему в щедротах престолу вашего величества со всеподданнейшим прошением, да соизволите пожаловать мне из субсидных денег заимообразно 50000 рублей на десять лет так, чтоб каждый год из моего жалованья по 5000 вычитается, а в случае пресечения моей жизни без взыскания с моих наследников оставлено было".

Ответа на просьбу не было, к радости врагов канцлера, удвоенной ссорою братьев, в которой они поспешили взять сторону графа Михайлы Петровича.

До сих пор союз с Австриею казался самым естественным по единству интересов; но теперь на горизонте появилось облако, которое могло предвещать бурю, указавши в отношениях России к Австрии такую сторону, которая напоминала отношения России к Польше и Турции и которая могла вести к сильным столкновениям.

12 января 1751 года дана была нота австрийскому послу графу Бернесу, в которой говорилось, что императрица всероссийская твердо надеется получить от императрицы римской новый и приятный опыт ее неоцененной дружбы. Известно, каким утеснениям от римско-католического духовенства подвержены трансильванские жители, исповедующие греческую веру, как принуждают их к унии с римской церковью; не меньше известно, как великодушны чувства ее римско-императорского величества в рассуждении вольности в вере ее подданных и что всякие притеснения делаются против воли и указов ее величества, следовательно, надобно приписать эти гонения измене и несправедливой ревности некоторых лиц из римско-католического духовенства. Так как российская императрица вследствие единоверия с упомянутыми трансильванскими жителями не может не употребить всех способов, каких может надеяться от дружбы и правосудия императрицы римской, и не заступиться за безвинно утесненных людей, то русское министерство

наиприлежнейше просит его превосходительство графа Бернеса да соблаговолит своими представлениями исходатайствовать у своего двора свободное отправление веры трансильванским жителям по древним их привилегиям. К Мих. Петр. Бестужеву-Рюмину послан был рескрипт, в котором предписывалось ему подать австрийскому министерству промеморию в том же духе: "Чтоб вы в сем деле то учинили, что пристойнее быть может в пользу единоверного нам народа". В ответ на это как доказательство терпимости прислан был из Вены в Петербург указ Марии-Терезии о построении православной церкви в Триесте; но в указе прямо объявлялось, что эта мера необходима для распространения торговли, о которой так заботится императрица, что церковь назначается для греков.

22 мая Мих. Петр. Бестужев отправил своему двору следующее донесение: "В последних годах прошлого века, во время войны императора Леопольда с турками, по желанию и крайнему домогательству императора вышло из турецких областей в австрийские владения с православным патриархом Арсением Черноевичем с 60000 человек сербского народа, которому даны большие выгоды, подтвержденные всеми преемниками Леопольда, равно как и нынешнею императрицею. Эти сербы не только помогли Австрии освободить от турецкого ига многие венгерские и сербские города, но потом помогли привести в повиновение и самих венгерцев, когда те не раз бунтовали, и в последнюю войну сербы оказали императрице чрезвычайно важные заслуги. Но так как теперь венгерцы получили верх и при дворе больше всех других подданных имеют влияние, то они, отмщая сербам за указанные выше услуги правительству, сперва стали теснить их в делах веры с помощью своих духовных, а потом стали неусыпно стараться, во-1), чтоб императрица отдала их в ведение венгерского правления; во-2), чтоб те из них, у кого есть богатые имения, принуждены были выменять их на плохие казенные; в-3), чтоб военные поселенцы из сербов сделаны были венгерскими подданными. Во всех этих домогательствах венгерцы успели, и решено, что те сербы, которые захотят остаться на прежних землях, должны стать венгерскими подданными; если же кто не захочет, то пусть едет в Сирмию, где уже и без того так много народа, что земли недостает и для прежних поселенцев. На это решение некоторые сербы отвечали, что они ни в прежних жилищах на новых условиях остаться, ни в Сирмию переселяться не могут, но просят вспомнить их верные услуги австрийскому дому и позволить вступить в службу русской императрицы. На эту просьбу последовало согласие, вследствие чего был у меня на днях полковник Иван Хорват с заявлением, что он и полковник Черноевич вместе с другими офицерами крайне желают по единоверию вступить в подданство вашего величества и просят как можно скорее этим высочайшим милосердием их призреть и приказать отвести им земли около Батурина или где-нибудь на Украине. Хорват уверяет, что наберет и исподволь приведет в Россию из одних православных целый гусарский полк в 1000 человек, которых всех полных мундиром и лошадьми снабдит и в дороге содержать будет на собственном иждивении, и за это просит

одного - генерал-майорского чина и наследственного полковничества в этом полку; кроме того, Хорват обещает набрать и пехотный полк регулярных пандур в две тысячи, тоже из православных. Отдельно от Хорвата желают вступить в русскую службу очень искусные сербские офицеры капитан Гаврила Новакович, лейтенанты Петр Шевич, Георгий Новакович и другие. Так как мне довольно известно, как заботился Петр Великий о том, чтоб из этих самых народов хотя несколько получить в свое подданство по их особенной храбрости, благочестию, сходству с нами и нелицемерной преданности к русскому народу, также потому, что они полезнее других могут быть в турецкую войну, потому что все тамошние места им известны и между турецкими подданными множество их единоплеменников и свойственников; также, видя, что они теперь сами того желают не из корысти какой и притворства, но только из ревности к православной церкви и из благоговения к особе вашего величества, видя, что римская императрица решила отпустить их, - видя все это, я не мог отречься донести об этом вашему императорскому величеству и буду ожидать наставления, которое необходимо здесь получить не позднее 22 июля, ибо к тому времени они совсем будут готовы и уже через третьи руки деревни и пожитки продавать начали, и если к означенному времени желанное ими решение не успеет, то опасно, чтобы сербы из крайнего отчаяния не передались туркам, которые ни малейшего принуждения в веру не делают".

11 июля императрица подписала Бестужеву рескрипт, в котором говорилось: "Когда дело до того дошло, что венский двор самопроизвольно лишает себя храброго сербского войска, то нам следует прилежно стараться, чтоб его себе приобрести; да и для самого венского двора несравненно лучше видеть это войско в службе своей вернейшей союзницы, чем заставить их уйти в турецкую сторону. Повелеваем вам с тамошним министерством таким образом изъясниться, что мы, уведомясь, что ее величество императрица-королева отпускает сербов и приказала выдавать им паспорта, не могли подумать, чтоб она стала препятствовать некоторому усилению наших легких войск, ибо наши интересы так общи, что всякую выгоду для одной стороны можно считать равною для другой, и потому мы надеемся, что со стороны венского двора не будет запрещено сербам вступать в нашу службу, тем более что это войско, где б в случае нужды его употребить ни случилось, по одинаковости интересов всегда будет служить против общего неприятеля. Вы сами, довольно зная, сколько старания прилагал государь родитель наш для привлечения к себе этих народов, можете понять, каких попечений и какого искусства требуется от вас в этом случае, ибо главным образом надобно наблюдать и то, чтоб венскому двору как первому и натуральнейшему из наших союзников отнюдь не подать ни малейшего неудовольствия, ни малейшей причины к жалобам и подозрению".

Мария-Терезия охотно согласилась на отпуск сербов, и Хорват отправился в Россию, увел с собою до 300 человек, включая жен и детей; и после его

ухода другие сербские офицеры беспрепятственно получали паспорта из Надворного военного совета, несмотря на то что карловский архиепископ Павел Ненадович просил императрицу удержать сербов и не опустошать его епархию. Бестужев заявлял свое мнение, что из сербов должна быть образована пограничная милиция, какую именно они составляли в австрийских владениях, для чего надобно им отвести выгодные места и дать материалы на постройки, после чего как офицеры, так и солдаты должны уже промышлять себе мундир, лошадей и прочее от своего хозяйства. Но так как Петр Великий для грузинских выходцев не щадил ни деревень, ни чинов, ни пенсий, то и сербам по дальности пути, который они должны были пройти на свой счет, и прежнее свое имение продали за бесценок, и должны заводиться всем вновь, надобно за весь первый год выдать полное денежное жалованье, провиант и фураж сравнительно с другими гусарскими полками, что должно делаться также и в военное время, во время же мира сербский корпус не будет стоить ничего казне. В заключение Бестужев доносил, что самого ревностного помощника себе в сербском деле он имел в секретаре Чернове, от которого зависит успех и последующих переселений.

В октябре 1751 года сербы прибыли в Киев, откуда Хорват с несколькими выборными отправился в Петербург. Здесь они были приняты очень милостиво. Хорват получил генерал-майорский чин и 3000 рублей, находившиеся при нем майор, три капитана, два поручика, прапорщик, унтер-офицер, капрал и четверо рядовых гусар получили также 3000 рублей на раздел.

29 января 1752 года Сенат приказал артиллерии генерал-майору Глебову дать инструкцию следующего содержания: 1) пришедших ныне и впредь имеющих приходить в подданство ее и. в-ства сербов и прочих тамошних народов селить в заднепровских местах, а именно, начав от устья реки Каварлыки прямою линиею до верховья реки Тура, с верховья Тура на устье Каменки, от устья Каменки на верховье Березовки, от верховья Березовки по вершине реки Амельника и по оной вниз до самого устья в Днепр, уступя от польской границы по 20 верст; на этих местах поселить не свыше двух полков; одного гусарского генерал-майора Хорвата и другого пандурского по четыре тысячи человек каждый; если из тех народов неслужащие люди, как, например, крестьяне, выходить будут, то их меж полками не селить: для них отведены будут особливые удобные места. 2) Поселение полков называть Новой Сербией, куда никого, кроме сербов, селиться не допускать, а находящееся теперь в тех местах поселение выслать в прежние места, потому что поселение выведено самовольно, без указа, а строение продать сербам добровольною ценою. 3) Сделать по просьбе Хорвата, чтоб гусарская рота от роты имела расстояния по 8 верст, а пандурская - по 6, в степи же гусарская занимала бы 30 верст, а пандурская - 25. 4) Кроме того, по представлению же Хорвата определить количество земли для пропитания вдов и сирот. 5) Земли каждому отводить столько же, сколько определено ландмилиции и отставным русским людям,

а именно: капитанам - по 100, поручикам - по 80, подпоручикам - по 70, прапорщикам - по 50, рядовым - от 30 до 20 четвертей на каждую семью и священникам и церковнослужителям против того с некоторою прибавкою. 6) Духовенство и школы, если им потребны будут, сербам содержать на своем коште. 7) Построить земляную крепость, которую назвать крепостью св. Елисаветы, а для ее строения выслать до 2000 человек из малороссийских полков.

Хорват говорил, что хотя теперь с ним вышло и немного народа, то впоследствии число выходцев увеличится, если приложено будет старание к вызову; представлял, что прежде всего надобно исходатайствовать у венского двора позволение набрать в австрийских областях от 500 до 1000 человек; если же нельзя будет набирать публично, то хотя бы тайно. Вследствие этого представления Бестужеву послано было в 1752 году повеление представить Марии-Терезии "в наиболее дружественнейших терминах", нельзя ли позволить такой выбор. Бестужев сделал предложение, но писал, что плохая надежда на благоприятный ответ. Карловский архиепископ Ненадович, злобствуя на Россию за неудовлетворение его просьб относительно присылки церковных книг и учителей и видя, что на все представления русского правительства в пользу православных жителей Трансильвании не обращено в Вене никакого внимания, не только рассеивал в народе неблагоприятные слухи о России, но и всячески удерживал тех, которые хотели вступить в русскую службу. Несмотря на то, однако, явились в Вену депутаты от 2228 фамилий из уничтожаемых пограничных военных поселений с просьбою или выдать им паспорта в Россию, или оставить их в прежнем положении. Узнавши об этом, архиепископ тотчас отправил в Вену своего экзарха домогаться, чтоб этих людей в Россию не отпускать, для чего экзарх снабжен был большими деньгами. Эти деньги и особенно то, что архиепископ совершенно пристал к венгерской партии, доставили ему полный успех. Депутатов повысили чинами, наградили деньгами и, давши им запечатанное определение, сказали, что могут быть довольны и потому пусть едут домой, а в чем состояло определение, об этом ни полслова. Бестужев из надежного источника узнал содержание определения: если они не хотят быть крестьянами, то из них положено учредить милицию в Банате; место, отводимое им, самое плохое, болотистое и бесплодное; в мирное время они должны будут платить еще подати кроме крестьянских, офицеры им будут назначены или венгерцы, или обращенные из православия в католицизм; если же кто пожелает в этом корпусе быть офицерами из прямых сербов, те должны присягнуть, что никогда не вступят в иностранную службу; а чтоб отнять у сербов охоту переселяться в Россию, засадили под арест знатного и заслуженного подполковника Прерадовича, подавшего просьбу об увольнении в Россию. Все это делается, писал Бестужев, по интригам венгерским, чтоб обратить сербов в рабство, сперва сделать крестьянами, потом униатами и наконец католиками. К арестованному Прерадовичу являлись австрийские офицеры с увещаниями, чтоб остался в австрийской службе, за что императрица не только пожалует его в полковники, но и

сделает генерал-инспектором всего славянского корпуса; в противном же случае у него с бесчестьем отнят будет чин. Но Прерадович отвечал, что он разжалования не заслужил и переменить свое намерение переселиться в Россию ни за что не отложит. Его выпустили наконец из-под ареста и дали паспорт в Россию, но взявши обязательство не ездить ни в Славонию, ни на границы около Баната из опасения, чтоб он не подговорил других переселиться в Россию.

Прошло несколько месяцев, и Бестужев не получал никакого ответа на свое представление. 29 мая он писал своему двору, что канцлер Улефельд, вполне преданный венгерцам, употребляет все старания, чтоб отклонить императрицу от благоприятного ответа. Между тем приехали в Вену из Киева выехавшие с Хорватом майор Николай Чорба, капитан Федор Чорба и поручик Миркович, которые подали просьбу Марии-Терезии об отпуске в Россию родственников их - отцов, родных братьев, племянников - числом около 70 семейств. Императрица, несмотря на сопротивление Улефельда, склонялась уже дать просимое увольнение, как вдруг из Петербурга от австрийского посланника Претлака пришло известие, что императрица Елисавета решила совсем оставить сербское дело. Об этом объявила Бестужеву сама Мария-Терезия в разговоре, сказала и о просьбе Чорбы с товарищами, причем прибавила: "Нам самим люди надобны". Когда Бестужев сказал ей, что так как он получил подтвердительный указ стараться об отпуске сербов, следовательно, донесение Претлака неверно, то она удивилась и сказала: "Либо Претлак меня обманывает, либо у вас ему иначе сказывают" - и не объявила ни отказа, ни позволения. После этого немедленно было запрещено выдавать сербам паспорта в Россию и в пограничных местах в Польше и в Трансильвании расставлены форпосты; Чорбам и Мирковичу дано приказание, чтоб они в 8 дней выехали из австрийских владений, причем они названы фальшивыми вербовщиками и возмутителями. За отсутствием Улефельда Бестужев отправился для объяснений к вице-канцлеру графу Коллоредо, но получил от него одни пустые, уклончивые ответы. "Это происшествие, - писал Бестужев своему двору, - здесь всем известно; и все крайне удивляются такому презрительному поступку здешнего двора, рассуждая, что сохранение австрийского дома единственно зависит от вашего импер. величества. Когда здесь четыре и пять лет тому назад были прямые прусские шпионы, то и с ними вследствие трепета перед прусским королем вовсе не так поступлено: им только под рукою дали знать, что их комиссия здесь обнаружилась, и потому не угодно ли им поскорее выехать, а прямо их не выслали, тем менее арестовали. Не могу пременить мое слабое мнение представить, не угодно ли будет барону Претлаку рекомендовать, чтоб с приезжими в австрийские земли русскими подданными поступали так, как в России поступают с австрийскими подданными, ибо ваше величество своих верноподданных защищать и охранять изволите; притом требовать, чтоб указы о непропуске русских офицеров были отменены и чтоб родственники известных сербских офицеров были непременно отпущены: впрочем же, дать здешнему двору сильно почувствовать неудовольствие

вашего величества холодным приемом барона Претлака и другими средствами, ибо здесь все того мнения, что если в этом деле поступиться серьезно, то здешний двор все сделает к удовольствию вашего величества, потому что дружба России ему необходима. Иначе будет очень прискорбно, что попечение Петра Великого об этих народах останется бесплодным именно в ту минуту, когда можно было всего удобнее получить плоды, будет очень прискорбно, что многие труды останутся напрасными, чему виною будет известное обнадеживание, данное Претлаку, на которое здешний двор совершенно полагается, тогда как мне повторительно посылаются совершенно другие указы, что приводит меня здесь в напрасную ненависть и огорчение, ибо здешний двор думает, что я настаиваю на сербском деле сам собою, а не по указам".

На это донесение своего брата канцлер Бестужев представил императрице следующие замечания: 1) вся смута произошла от непонятого недоразумения: в рескриптах Бестужеву-Рюмину не дано ему никакого повеления домогаться о наборе от 500 до 1000 человек, а просто предписано было просить, чтоб не препятствовали выходить сербам на службу и на поселение в Россию, если они к тому охоту и свободу иметь могут; так и в экстракте, данном здесь барону Претлаку, ничего более написано не было. Венскому двору, естественно, должны были показаться представления русского посла несогласными с донесениями барона Претлака, ибо один требует набора от 500 до 1000 человек, а другой пишет только о беспрепятственном выпуске тех, которые могут иметь охоту и свободу выселиться, чего больше здесь и не желалось. 2) Непонятно, с чего взял Претлак писать своему двору, что здесь готовы оставить сербское дело, ибо ему, кроме означенного экстракта, ничего более сообщено не было. 3) Дело непорядочное, что офицеры, находящиеся в здешней службе, без ведома русского правительства подали императрице Марии-Терезии челобитную о выпуске в Россию их свойственников; но еще беспорядочнее поведение графа Улефельда: гораздо приличнее было бы объявить дружеским образом нашему послу, что присутствие русских офицеров в Вене неприятно и по некоторым обстоятельствам терпимо быть не может. Ясно, что граф Улефельд в этом случае увлекся своею горячностью и пристрастием и безрассудною жестокостью подает повод другим из малого делать великое и из худого злое. Но за такие безделицы оба двора, естественно союзные, приводить в малейшую холодность есть дело людей если не злых, то по крайней мере слепых; это бы значило из-за рубля потерять сто рублей. Бесспорно, что венскому двору больше нужды в дружбе ее императ. величества и что польза этой дружбы на деле изведена; но не меньше признаться надобно, что и России тесное соединение с австрийским домом необходимо, король прусский ничего больше не желает, как разделения этих дворов; французские в Константинополе внушения и интриги были бы тогда действительнейшими; саксонский двор уже давно размерил бы свои шаги по прусскому барабану, если б согласно не был подкрепляем двумя императорскими дворами, морские державы не противились бы так французской гордости, если б не полагались твердо на

соединение обоих императорских дворов; Швеция не сидела бы так тихо, по меньшей мере не презирала бы она так возобновлением союза с королем прусским, как оказалось на нынешнем сейме; она теперь видит, что он, как прикованный медведь, со всею своею силою и наглостию ей бесполезен, следовательно, и соединение с ним только препятствует другим полезнейшим союзам.

Еще весною 1752 года Мих. Бестужев в письме к вице-канцлеру Воронцову жаловался на неприятности в Вене: "Я с октября месяца посещен был преждеостокою подагрою на обе ноги, так что два месяца не токмо с постели встать, ниже ворохнуться мог; оная подагра потом такую мне слабость в ногах причинила, что едва через избу пройти могу, с лестницы и на лестницу с великим трудом и чувствованием бродить могу. Таким приключением не что иное, яко печали, причиною суть, которых я от 1747 году даже до сего времени много имел; вашему сиятельству все то известно есть, и здешнее мое пребывание много мне вреды и моему здоровью причинило, ибо ничто так человека не вредит, яко печали, а наипаче те люди наиболее чувствуют, которые верно и ревностно своим монархам служат, честно и беспорочно жизнь свою провождают".

В другом письме к тому же Воронцову Бестужев писал: "Ваше сиятельство, соизволите в милостивое рассуждение принять, что я человек престарелый: родился я в 1689 году, и тако 63 год мне идет: лета немалые, более должно назвать престарелые; прежняя моя живность вся пропала, сколько от лет, а вдвое того с печали; какие мне с 47 году противности и шиканы деланы были и какие мне здесь неучтивости и уничтожения во угождение известным персонам показаны были, не без труда есть все то описать".

Понятно, что Бестужев не мог долее оставаться в Вене, и канцлер постарался переместить туда из Дрездена приятеля своего Кейзерлинга. Мих. Бестужев был очень недоволен этим назначением и писал о Кейзерлинге Воронцову: "Он есть человек весьма ленивый и комодный, как французы говорят: *l'enfant gaté*. Когда правительство курляндское было, а он был фаворитом герцога курляндского, а после того иные его протезируют, на то и надеется. И то некстати, что он, будучи польским подданным, при польском дворе министром российским такое долгое время был и два староства получил. *C'est un exemple sans exemple*, властно, якобы у нас людей в России не было, умалчивая о других его поступках..." Уже выехавши из Вены в Дрезден, Бестужев писал Воронцову: "О сербском деле я ничего не слышу, и ежели с нашей стороны так останется и не восчувствуется венского двора странный и без всякого к нашему двору менажементу поступок, то не без стыда будет; да и, сверх того, сожалительно бы было, ежели бы с нашей стороны для получения такого храброго народа, а наипаче единоговерного упущено было. Я опасен, чтоб посол наш в сербском деле не стал шильничать во угождение тамошнему двору, ибо оный двор весьма в сем деле амбарасирован... Венское

министерство за сербское дело безмерно на меня злобилось и всякие на свете вымышления и коварства против меня чинить будут".

От 26 сентября Бестужев получил от своего двора следующий рескрипт: "Чем больше мы причину имеем благоразумными поступками, верною и радетельною службою вашею как при всех случаях, так и в сербском деле всемилостивейше быть довольными, тем меньше мы от вас скрыть можем то крайнее удивление, в которое привел нас сообщенный от римско-императорского посла барона Претлака протокол конференции, бывшей между вами и вице-канцлером графом Коллоредо. Между прочими разговорами по случаю сербского дела неведомо с какой стати вы к нему отозвались, что "вы, несмотря на то что во время шести месяцев получили от нас два повторительные указа, однако ж сие дело так оставили бы, ежели бы к вам и третий указ прислан не был; но что вы потому должны и у противной партии брата вашего притворяться и себя не обнажать, толь наипаче, ибо весьма ясно усматривается, что оная партия нарочитым образом поверхность над ним приобретает, потому что он имевшим у нас толь великим кредитом более не пользуется". Мы по известному нам здравому рассуждению вашему и довольному искусству как в министерских делах, так и в прочих светского обхождения благопристойных поведениях, хотя никак представить себе не можем, чтоб вы столько себя позабыть могли, что говорили вышеозначенные нерассудные и не токмо в министеральной конференции, но и в партикулярных разговорах отнюдь не пристойные слова о притворстве вашем в таком деле, о котором вы же сами в рассуждение обращающейся в том для здешних интересов немалой пользы первое предложение нам учинили; а паче того, о противной партии, о которой по самодержавству нашему без крайней и жесточайшему наказанию подлежащей дерзости ниже помыслить, а еще того меньше министру нашему при чужестранном дворе в формальной конференции говорить возможно; однако по важности сего как высочайшей чести нашей, так и достоинства возложенного на вас посольского характера касающегося обстоятельства повелеваем вам, чтоб вы немедленно чрез сего к вам нарочно отправленного курьера прислали сюда точное и пространное изъяснение, подлинно ли, к какой стати и по какому поводу вы таким страшным и вовсе не понятным образом к графу Коллоредо отзывались. Барон Претлак вручил министерству нашему еще другую промеморию, в которой он приносит жалобу как на бывшего при вас монаха Михайлу Вани, так и на вас: на первого в том, будто он, будучи от архимандрита своего послан в Вену с монастырскими деньгами, оные промотал и, несмотря на повторенное приказание карловицкого митрополита, в монастырь свой не возвратился, но остался у вас в доме под именем вашего духовника, и притом будто он и главным орудием был в подговорении сербов не токмо к выходу в Россию, но и к бунту; а на вас жалуется оный посол в том, что вы такого честь забывшего и беспутного монаха приняли к себе в духовники, отказав принять представленных вам от митрополита в оный чин трех достойных священников".

Бестужев отвечал из Дрездена 25 октября, что все заключающееся в сообщенном от Претлака протоколе есть наглое вымышление: "Я таких нерассудительных и здравому рассуждению весьма противных разговоров никогда не имел; да и с какой стати мне о партиях упоминать, или чей кредит умалывается или умножается, ибо, сверх того, нимало мне о том неизвестно, понеже во все мое пребывание в Вене никто ко мне ни о чем не писал. Священник Михайла Вани почти два года службу божию у меня в доме отправлял: во все то время никто о нем ко мне не отзывался и ни от кого требован не был; но только за три или за четыре недели до моего из Вены отъезда вице-канцлер граф Коллоредо таким образом мне отозвался, что имеющийся при моей капелле старец именем Михайла Вани имел монастырские деньги, а счету тем деньгам не отдавал, чтоб я его от себя отпустил, на что я ему отвечал, что я вскоре из Вены отъезжаю и что оный священник более мне непотребен, а впрочем, я у него осведомлюсь о таких монастырских деньгах, и, приехав домой, спрашивал у священника, имел ли он какие деньги для нужд монастырских, на что он мне отвечал, что деньги у него монастырские были и что он их для нужд монастырских употребил и счет оным в монастырь послал, и мне счет тем деньгам подал, который, как мне помнится, секретарь посольства Чернев к графу Коллоредо отвозил. Будто от митрополита представлены мне были трое достойных священников, и это нагло вымышлено, ибо ни одного никогда мне не было представлено. Что же касается жизни этого гонимого священника, бывшего при мне, то я должен отдать ему справедливость, что он человек честный, трезвый и самой доброй христианской жизни, а все гонение на него поднялось за сербское дело, из подозрения, что он, пользуясь доверием сербов, научал их к выходу в Россию".

Преемник Бестужева в Вене граф Кейзерлинг поспешил донести императрице, что он начал действовать умеренно, остерегаясь нарушить дружбу между двумя дворами, и что умеренность ведет к большому успеху дела; что граф Улефельд на его дружественные представления отвечает так же дружески; он объяснял, что между сербами распространилось странное мнение, будто они вольный народ, могут идти куда хотят, вследствие чего явилось ослушание императорским указам; зло сделалось так велико, что для воспрепятствования ему стать всеобщим были принуждены употребить сильные средства. Арестованные офицеры были освобождены, и позволено им по окончании своих дел ехать в Россию. Так было поступлено с людьми, которые уже прежде вступили в русскую службу; но Кейзерлинг просил наставления, как ему действовать относительно тех сербов, которые вновь просились в русскую службу без позволения и ведома австрийского правительства. "Я знаю, - писал он, - что для укомплектования русских гусарских полков люди надобны и что в прежние времена такой набор иногда позволялся по дружбе между обоими дворами, но теперь вследствие потери людей в последнюю войну здешний двор старается больше всего увеличить народонаселение и привести в порядок финансы, и потому ему нелегко отпускать подданных, особенно в большом числе". Кейзерлинг получил от австрийского министерства записку, в которой говорилось, что

всему пограничному народонаселению было предоставлено на волю избирать военную или гражданскую службу и, чтоб дело пришло к успешнейшему окончанию, многим из сербов, особенно Хорвату, оказаны большие милости. Он сначала очень содействовал новым распоряжениям и на одного из сербов, Севича, доносил многие тяжкие преступления; но как скоро он получил милости от правительства, а с другой стороны, увидал, что ему не удалось погубить Севича, то немедленно переменил образ действия и старался возмутить пограничную милицию против нового порядка, а чтоб сделать это с меньшею опасностью, то прибег в покровительство к русскому послу графу Бестужеву-Рюмину; к тому же послу обратился и монах Михаил Вани, только по другому побуждению, а именно потому, что не мог отдать отчета своему монастырю в издержанных суммах. Эти два недостойных человека были причиною всех воследовавших потом замешательств, потому что для прикрытия собственного стыда указывали на многие непристойные дела, и особенно старались обнести митрополита. Без всякого сомнения, императрица-королева имела право отказать Хорвату в просьбе о вступлении в русское подданство и поступить с ним так, как он заслуживал; нельзя требовать, чтоб подданный отрекся от присяги своей природной государыне и других приводил на то же; единственно из уважения к русской императрице позволено было Хорвату и многим другим вступить в русскую службу. Ее величество тогда никак не могла думать, чтоб от такой великодушной щедрости могло произойти такое соблазнительное злоупотребление. Прежде всего паспорта были распространены на несколько сот, почти на тысячу человек. Возможно ли было бы подобное дело в каком-нибудь другом государстве? Но императрица-королева допустила и такое злоупотребление в надежде, что этим все кончится. Надежда была обманута. Хорват прислал сюда назад троих офицеров, которые с ним уехали, и эти офицеры думали, что, пользуясь покровительством русской императрицы, они могут и в чужих землях делать все, что захотят. В такой многочисленной нации, какова илирийская, не может быть недостатка в раздорах, и легко понять, что нельзя всех удовлетворить, ибо, чем с одной стороны производится удовольствие, тем самым с другой стороны возбуждается злоба. Если б некоторым иностранным министрам или офицерам позволено было эту злобу питать, тех, кто ее питает, в ней укреплять и куда-нибудь в другое место их переманивать, следовательно, склонять к нарушению подданнической верности прежней природной государыне, то каким образом внутренняя тишина государств и узел человеческого общества могут быть сохранены? Но трое эмиссаров Хорвата не удовлетвоались одною такою подговоркою, они осмелились утруждать императора и императрицу, чтоб им эта подговорка была позволена; но долготерпение имеет конец. Недовольный или плохой сын правителя, убегающий от отеческой власти, подданный, не повинующийся указам своего государя, начальник, притесняющий подчиненных, и другие, когда дела происходили не по их желанию, считали возможным избежать неприятностей одним объявлением, что уедут в Россию. Можно было бы

показать множество примеров этому. Зло можно было остановить только средствами, употребленными правительством императрицы-королевы. Но императрице должно было показаться очень странным, что, поверив ложным показаниям этих людей, граф Бестужев-Рюмин вступился за них так ревностно и жестоко. Императрица-королева иллирийскую нацию при ее привилегиях рачительнейше содержать будет; только эти самые привилегии обязывают и их, райцев, к оказыванию верноподданнических услуг. Каждому государю было бы чувствительно, если б некоторые из его подданных обращались к другому государю или его послу. Здесь райцы признаются хотя не за рабов, однако за подданных, которые обязаны ее величеству верностью, послушанием и службою. Императрица-королева вскоре по вступлении в свое тягостное правление усмотрела, сколько вреда нанесено безопасности ее областям тем, что многие жители их вступали в чужестранные гражданские и военные службы; поэтому много лет тому назад она издала на этот счет генеральное запрещение всем своим подданным, без различия исповедуемой ими религии. Неописанно вредные следствия произошли бы, если б райцы захотели быть исключенными из такого запрещения. В таком случае и другие государи, как, например, король прусский, прислали бы сюда целую толпу эмиссаров для вербования в свою службу своих протестантских единоверцев. Так как Чорба был уличен в подговоре подданных императрицы-королевы, то барону Претлаку поручено было помогать в Петербурге, чтобы впредь русские подданные, уличенные в подобном деле, подвергались бы такому же наказанию, какому подвергнут был бы австрийский подданный, если б дерзнул склонить хотя одного русского подданного к покинутию своего отечества; также исходатайствовать, чтоб запрещено было всем находящимся в свите русского посла или министра поступать в противность естественным и народным правам.

Кейзерлинг повторял, что может только хвалить поведение венского двора в сербском деле; сама Мария-Терезия высказала ему желание вечного сохранения союза с Россией в таких искренних и естественных выражениях, что едва ли может быть какое-нибудь сомнение относительно соответствия ее слов чувствам. Поэтому и Кейзерлинг считал своею обязанностью отвращать все то, что могло бы иметь вредное влияние на счастливый союз, который так соответствует натуральным интересам России. Относительно сербского дела Кейзерлинг внушал своему двору, что по сравнении жалоб сербских офицеров с ответами австрийского правительства оказывается, что если, с одной стороны, австрийское правительство могло бы поступить лучше и приличнее, то, с другой стороны, и сами офицеры подали повод к таким с ними поступкам, которых при большой осторожности могли бы избежать, притом многие показания их неверны. 8 октября Кейзерлинг доносил, что по последним известиям из Венгрии задержанные офицеры готовы к выезду в Россию со всеми своими людьми, что надобно считать за совершенное окончание этого неприятного дела.

Между тем 6 октября в Петербурге барон Претлак имел окончательное объяснение с канцлером по поводу сербского дела, причем Бестужев очень ловко воспользовался непоследовательностью венского двора, который сначала позволил сербам выселяться в Россию, а потом вдруг принял строгие против этого меры и стал толковать о том, что сербы - его подданные и не могут оставлять службу своей природной государыни. Претлак начал разговор словами, что австрийское правительство должно было опровергнуть принятое в России мнение, будто сербы - народ вольный и могут переселяться куда хотят. Канцлер отвечал, что такого мнения в России никогда не имели, хотя к принятию его и могли способствовать полученные из Вены известия, что даются паспорта к выезду всем, кто только их ни потребует. Вот почему так неприятно поразило другое известие, что вдруг последовало запрещение сербам выезжать в Россию; это известие поразило тем более, что в то же время получено было другое известие, будто многие сербы, не имея возможности уходить в Россию, бегут в Турцию. Здесь думали, что для венского двора выгоднее, чтоб эти люди уходили в Россию, а не в Турцию, и что по тесному и естественному союзу между двумя дворами почти все равно, здесь ли количество легких войск несколько увеличится этими выходцами или останутся они в австрийских владениях. Посол признался, что действительно даны были паспорта, только поименно, а не вообще, и то преимущественно потому, что хотели сжить с рук беспокойных людей: частые венгерские бунты научили осторожности. Но Претлак уверял, что ни один серб не вышел из австрийских владений в Турцию, напротив, множество народа желает перейти к ним из турецкого подданства, только они их не принимают, как желая избежать всяких распрей с Портою, так и не очень полагаясь на постоянство этих выходцев. Потом Претлак распространился о том, что сначала дело шло об отпуске в Россию от 500 до 1000 человек сербов; но теперь отпущено до 2000; задержанные офицеры все освобождены, Шевич ведет в Россию до 800 человек, задержанное в Вене семейство подполковника Прерадовича отпущено; надобно было ожидать благодарности за такие снисхождения его двора, а вместо того он получил пространную промеморию, наполненную жестокими и чувствительными для двора его выражениями; поэтому посол просил, нельзя ли взять эту промеморию назад, ибо она очень огорчит императрицу-королеву. Канцлер отвечал, что промемория написана соответственно той горячности и неумеренности, с какими было поступлено в Вене по сербскому делу; но так как теперь, по донесениям графа Кейзерлинга, поступки с австрийской стороны изменились и оказывается более дружеской угодливости, то дело будет оставлено и уже готова другая промемория, где будет выражена его двору надлежащая признательность.

Но сербское же дело повело к другой неприятной для Претлака и его двора промемории. Мы привели выше ответ графа Мих. Петр. Бестужева-Рюмина относительно слов его о противной его брату партии, сказанных будто в конференции с вице-канцлером графом Коллоредо. В Петербурге

благодаря, как видно, друзьям Михайлы Бестужева, людям, которым было приятно и выгодно поддерживать его против родного брата, - в Петербурге успокоились на полном отречении Бестужева от этих слов, и Претлаку вручена была промемория, в которой говорилось: "Сколь приятно было ее императорскому величеству по основательному ее величества чаянию из оправдания своего посла усмотреть его невинность, к толь вящшему служит ее императорскому величеству неудовольствию, что граф Коллоредо старался добрые сентименты и беспорочный поступок г. обер-гофмаршала такими к предосуждению возложенного на него характера и собственной его персоны касающимися затеями опорочить и притом и высочайшее ее императорского величества достоинство оскорбить тем, что в рассуждении беспредельной ее самодержавной власти и мудрого государствования, и одна только идея о партии в здешней империи места никакого иметь не может. Подлинно состояние министра, особливо при союзном дворе, весьма худое было бы, если бы вольно было затевать на него по собственным видам предосудительные дела, о коих он никогда и не думал".

Как бы то ни было, тесный союз между Россией и Австрией не был нарушен, и к этому союзу по прусским отношениям непременно хотели присоединить Саксонию. Находясь еще в Дрездене, в 1751 году Кейзерлинг должен был склонять саксонское правительство присоединиться к оборонительному союзу, заключенному между Россией и Австрией в 1746 году. Кейзерлинг доносил своему двору, что дело встретило препятствия при обсуждении своем в тайной коллегии королевского совета. Здесь некоторые члены выразили страх перед прусским королем, как будто бы находились под его ногами; они припоминали угрозы Фридриха II, что он в известном случае примется не за Россию, а за ближайшую к нему ее союзницу - Саксонию; они представляли, что для защиты от такого быстрого нападения силы Саксонии недостаточны, а помощь союзников очень отдалена и, прежде чем она явится, страна уже будет разорена. Узнавши о выражении таких мнений в коллегии, Кейзерлинг спросил графа Брюля: хотят ли в Саксонии принять в основание политической системы соседство короля прусского, его превосходные силы и его угрозы? Если они так боязливы, если хотят размерять свое строение только по прусскому масштабу, то сами показывают свою покорность, и если б прусский король узнал, какой ужас он здесь внушает, то гордость его, разумеется, усилилась бы еще более. Надобно решить вопрос, благо и интерес Саксонии достаточно ли могут быть обеспечены тем, что она не будет находиться ни в каких обязательствах с императорскими дворами и морскими державами. Кто обеспечит Саксонию от дальнейших притеснений, если она останется без надежды на какую-нибудь помощь? Если они думают обеспечить себя обязательствами с Францией и Пруссией, то опыт научил уже их, как можно полагаться на эти державы: во время прошлой войны, когда они соединились с Пруссией и Францией против Австрии, король прусский заключил мир, а саксонские войска должны были заботиться сами о себе. Что касается невозможности для

Саксонии получить скорую помощь от союзников, то не надобно забывать, что теперь дворы соединены гораздо теснее, чем были прежде; не должно забывать также, что если Саксония лежит как будто под ногами прусского короля, то и Пруссия находится в таком же положении относительно обоих императорских дворов. Саксонский дом связан с французским, саксонская принцесса замужем за дофином, выставляют, что Саксония может надеяться на ее помощь; но может случиться, что дофин умрет прежде короля; да если он и вступит на престол, то может стать, как и прежде бывало, что какой-нибудь кардинал или другой фаворит станет управлять делами или другая госпожа Помпадур сыщется, которая овладеет и сердцем королевским, и правлением. В истории нет примера, чтоб какая-нибудь королева французская имела влияние на тамошнее правление, и зависть нации всегда находила способ не допускать королей до участия в государственных делах. Кроме того, остается вопрос: будет ли тогда Пруссия иметь уважение к французским представлениям в пользу Саксонии? Брюль отвечал, что он теперь и сам видит, что лучше было бы не отдавать дела в тайную коллегия; он хотел этим себя прикрыть, чтоб не могли жаловаться, будто он в таком важном, до блага всей земли касающемся деле никого не допустил до участия и все один сделал, и если б случилось что-нибудь неприятное, то члены совета и стали бы говорить, что они все это предвидели и напоминали и надобно было бы поступать по их совету. Кейзерлинг заметил на это, что тот, кто принимает нынешнее состояние дел за основание своих решений, исполняет требования разума, а если смотреть на случайности будущих событий, то никто себе дома не построил бы, ибо может стать, что он сгорит, никто не стал бы жить в доме из страха, что он может обрушиться.

В 1752 году Кейзерлинга, назначенного в Вену, сменил в Дрездене Гросс, который в начале мая прислал своему двору любопытное донесение. Саксонский посол в Париже граф Лос дал знать своему правительству о желании французского короля, чтоб один из меньших сыновей Августа III получил по смерти отца польскую корону. В Дрездене приписали это желание внушениям прусского короля, которому было бы выгодно, если б в Польше был король, слабый собственными средствами, который бы потому зависел совершенно от Пруссии и Франции или по меньшей мере, не имея собственных владений, не мог бы быть полезен России. Наследная принцесса саксонская, державшая мужа совершенно в своих руках, была сильно раздражена донесением Лоса, ибо всеми силами старалась доставить и польскую корону своему мужу. С этих пор она усугубила свои ласки Гроссу и министрам дворов, союзных с Россиею, объявляя, что совершенно полагается в достижении своих целей на помощь России и ее союзников, ибо если курфюрст саксонский не будет вместе и королем польским, то Саксония не будет в состоянии ни в чем помогать России, которая чрез то лишится значительной доли своего влияния в европейских, особенно в немецких, делах. Гросс узнал о намерении графа Брюля и некоторых польских магнатов доставить наследному принцу и наследство польского престола при жизни королевской, внушая полякам, что в случае

кончины королевской этим средством они могут избежать войны и обычного разорения своих имений. Но так как король по конституции не может думать при своей жизни о наследнике и надобно, чтоб сама республика предложила об этом королю, то решили хлопотать об уничтожении *liberum veto*. Польский вице-канцлер уже обратился с этим к Гроссу, внушая, что иначе никакого порядка в Польше не будет. Требуя от своего двора инструкций по этому важному делу, Гросс писал: "По моему мнению, цель не может быть достигнута без конфедерации, а на всякую конфедерацию в Польше можно смотреть как на междоусобную войну, в которой соседние державы рано или поздно принуждены будут принять участие, и нет сомнения, что король прусский примет это участие с большею охотою, чтоб под видом защиты польской вольности достигнуть своих старых намерений относительно польской Пруссии и Померании".

В июне Гросс опять писал о том же деле, опять требуя инструкций: "Хотя граф Лос доносил о желании французского министерства, чтоб в польские короли избран был один из младших сыновей Августа III, однако после этого здешнее министерство получило известие, что назначенному сюда новому французскому послу графу Брюльи предписано составить в Польше партию в пользу герцога пармского инфанта дон Филиппа; с другой стороны, король прусский злостно внушал Франции, будто венский двор вместе с вашим импер. величеством намерен возвести на польский престол принца Карла Лотарингского. Я узнал об этом отчасти от самого графа Брюля, отчасти от австрийского посла графа Штернберга; и так как эти обстоятельства могут побуждать благонамеренных польских магнатов тем скорее подумать о таких мерах, которыми можно было бы предупредить замешательства в их отечестве, и потому обратиться ко мне для узнания намерений вашего величества, то я считаю необходимым возобновить просьбу о наставлении, как отвечать польским магнатам. Между тем в глубочайшем секрете я уведомлен, что польские вельможи для предотвращения интриг, разорения страны и частных имуществ не знают другого средства, кроме избежания междуцарствия предварительным избранием преемника королю в особе наследного принца саксонского. Для достижения этой цели необходима чрезвычайная осторожность, чтоб отнюдь прежде времени ничто не разгласилось, ибо в противном случае этому намерению будут препятствовать Франция и особенно Пруссия, которая ждет случая в мутной воде рыбу ловить и часть польских владений себе присвоить. Вот почему на будущем сейме еще ничего об этом открыто не будет; только воспользуются королевским пребыванием в Польше, чтоб согласиться относительно способов, которыми надеются безопасно без конфедерации и без повреждения вольного голоса (*liberum veto*) получить желаемое. Я знаю, что король английский совершенно согласен содействовать этому намерению".

Известие, что двое младших сыновей короля, Ксаверий и Карл, отправляются в Польшу, сильно опечалило наследную принцессу; она боялась, чтоб тот или другой принц не приобрел любовь поляков в

предосуждение ее мужу. Она объявила Гроссу, что надеется приобрести расположение поляков, если только ее мужу и ей позволено будет следовать за королем в Польшу. "Вы мне окажете большую услугу, - сказала она Гроссу, - если по приезде своем в Варшаву склоните князей Чарторыйских внушить графу Брюлю о необходимости приезда в Польшу наследного принца, ибо без такого требования князей Чарторыйских первый министр сам никогда не предложит об этом королю". Ту же просьбу повторила она и в другой раз, прибавив: "Я этого особенно потому желаю, что наследный принц большей части поляков знаком только с худой стороны, т. е. со стороны слабости ног; его присутствие в Польше сообщило бы им другие понятия о нем, они увидели бы в нем достаточный ум, доброе сердце, ласковость и совершенное знания польского языка, которого нынешний король совсем не имеет". Гросс спросил принцессу, позволит ли она ему испросить высочайшее соизволение на обращение его к князьям Чарторыйским; она отвечала, что премного ее этим обяжет, ибо она без согласия императрицы ни одного шага не сделает.

В августе Гросс переехал из Дрездена в Варшаву; здесь он нашел большую перемену: в мае 1751 года умер великий гетман коронный Иосиф Потоцкий и на его место назначен был Ян Браницкий, который хотя и был связан родством с *фамилиею*, как тогда называли Чарторыйских, однако был ревностный консерватор, стоял за установленные формы Речи Посполитой, тогда как Чарторыйские имели постоянно в виду перемены, необходимые, в их глазах, для поддержания Польши. Гросс стал часто видеться с примасом, краковским кастеляном графом Понятовским, с воеводою русским князем Чарторыйским, с его братом канцлером литовским, также с канцлером коронным, и все они уверяли, что так как существенный интерес их отечества требует тесного согласия с Россиею, то они вполне преданы императрице. Но при этом князья Чарторыйские и граф Понятовский дали знать, что все смотрят на них как на русских партизанов; и действительно, многими опытами засвидетельствовали они свою склонность к поспешествованию интересам императрицы; поэтому не может быть им не оскорбительно, что до сих пор нет никакой резолюции на их просьбы, чтоб императрица благоволила обнадеежить их своим покровительством и помощью в случае смут, которые легко могут произойти в вольном государстве, где короли прусский и французский имеют своих партизанов, им, Чарторыйским, враждебных: они не хотят ни денег, ни пенсий, хотят одного: чтоб императрица к которому-нибудь из князей Чарторыйских прислала письмо, где было бы изображено, что, узнав о добром и постоянном наблюдении ими истинного интереса своего отечества, столь тесно связанного с русским интересом, императрица заблагорассудила высказать им за это свое удовольствие и притом обнадеежить, что они могут вполне положиться на ее благосклонность и покровительство. "Мне кажется, - писал Гросс, - что так как король прусский своих партизанов часто своими ласковыми письмами удостоивает, а Франция к ласкам и деньги присоединяет, то не вижу, для чего бы им отказать в их просьбе; ваше величество еще сильнее привязали

бы их к себе, если бы канцлеру литовскому пожаловали орден св. Андрея, а канцлеру коронному - пенсию в несколько тысяч рублей, потому что он по причине многочисленного семейства не богат. Я думаю, что подобными ласками полезно сохранить партию, чтоб по кончине короля не нужно было, как по кончине отца его, создавать новую партию с убытком многих миллионов. Все поименованные вельможи говорили мне о необходимости принять меры для предупреждения замешательств по смерти королевской; но я вижу, что относительно этих мер они сами еще между собою не согласились, только являются склонными к избранию наследного принца саксонского; но, чтоб его выбрать при жизни королевской, как о том слышал я от графа Брюля и других, о том до сих пор никто и рта не открывал".

Упомянутые вельможи были нужны и относительно собственно русских интересов. Коронный канцлер и подканцлер вместе с литовским канцлером согласились писать каждый порознь к униатскому полоцкому митрополиту в самых сильных выражениях, чтоб возвратил церкви, отнятые у православных в Кржичевском уезде; в случае сопротивления митрополита обещались уговорить старосту кржичевского, чтоб он военною рукою способствовал возвращению церквей по примеру канцлера литовского, который таким же образом велел поступить в своем старостве. Относительно возвращения беглых польское министерство не оказывало склонности, боясь раздражить мелкое шляхетство, на землях которого беглые преимущественно жили. По мнению Гросса, не оставалось другого средства, как позволить частным людям самим вооруженною рукою отыскивать своих беглецов по примеру короля прусского, который употребляет то же средство на силезских границах. Вельможи уверяли, что если сейм состоится, то признают императорский титул русской государыни, что же касается до курляндского вопроса, то представляли, что плохо будет, если по смерти королевской Курляндия останется в настоящей анархии, особенно указывали на опасность от прусского соседства. Граф Брюль говорил, что если императрица не намерена восстановить герцога Бирона, то по крайней мере изволила бы конфидентно дать знать об этом польскому двору и согласиться с ним насчет избрания другого герцога. Гросс отвечал по-прежнему, что, когда обстоятельства потребуют и русский интерес позволит, императрица сама собою пристойную резолюцию принять не оставит. "Предвижу, - писал Гросс, - что на сейме будет немало шуму о Бироне, тем более что французско-прусская партия внушала на сеймиках, что идут переговоры об оборонительном союзе между Россией и Польшею, почему в разных местах и внесено в инструкцию депутатам не допускать такого трактата. Потоцкие уже поговаривают, что не желают, чтоб сейм состоялся. Пользуясь завистью к Чарторыйским нового коронного гетмана Браницкого, Потоцкие постарались привлечь его к своим видам, и так как в случае замешательств он человек очень нужный и со стороны Франции и Пруссии ему уже сделаны выгодные предложения, то ваше величество можете его при прежних добрых намерениях удержать для общей пользы,

если благоволите пожаловать ему какой-нибудь знак вашей милости, например наградить его жену портретом, так как жена покойного гетмана Потоцкого имела портрет".

Из Варшавы Гросс поехал гостить в Волчим, имение литовского канцлера князя Чарторыйского. Хозяин рассказал ему, что дело об избрании наследника при жизни королевской замыслено саксонскими министрами и чрез тайного советника посольства Саула и графа Флеминга внушено польскому министерству и особенно ему, канцлеру литовскому; он, поговорив с братом, воеводою русским и коронным канцлером Малаховским, признали, что действительно наследный принц саксонский есть лучший кандидат для Польши; но прежде всего надобно, чтоб король и граф Брюль им о том сказали и чтоб король как в раздаче вакантных мест, так и в других мерах твердо следовал их советам, чтоб в воеводствах могло быть все мало-помалу приготовлено, а король старался бы между тем привлечь к тем же видам и русскую императрицу и чтоб они наперед были уверены, что в случае нужды не будут оставлены Россиею.

Из Волчима Гросс ездил в Белосток, имение гетмана Браницкого, и оттуда отправился в Гродно, где должен был происходить сейм. В Гродне он получил из Петербурга рескрипт, поставивший его в очень затруднительное положение. "К крайнему удивлению уведомили мы, - говорилось в рескрипте, - что шляхетство курляндское на своем сеймике большинством голосов определило посылаемому на сейм депутату дать инструкции, чтоб он просил короля о доставлении свободы герцогу Бирону. Обер-раты в этом деле умеренно и осторожно поступили, но особенно хлопотали маршал земских депутатов Гейкинг, некто Модем из Тительминда да Драхенфельс, который имеет в аренде наш секвестрованный амт Вальгоф. Вы можете легко рассудить, в какое удивление привело нас это нечаянное и нашему намерению совсем противное происшествие, тем более что до сих пор большая часть тамошнего шляхетства не только не желала освобождения Биронова, но и домогательствам о том противной стороны, т. е. обер-ратской партии, сопротивляясь, никогда не допускала произведения их в действие. И так как мы по нашим интересам никак не можем спокойно смотреть на порученное теперь курляндскому депутату домогательство об освобождении бывшего герцога, напротив того, как прежде, так и теперь желаем, чтоб курляндские дела оставались в том же положении, в каком они по сие время были, то прошение к королю о Бироновом освобождении допустить не надлежит; поэтому повелеваем вам употребить крайнее старание ваше и труды, чтоб курляндский депутат не прежде допущен был на аудиенцию пред короля, как по окончании сейма, точно так, как это случилось с таким же курляндским депутатом Корфом".

"Не без великого труда в том предупредить возможно, - отвечал Гросс, - потому что граф Брюль и большая часть поляков сильно интересуются освобождением герцога Бирона или по крайней мере получением какого-

нибудь решения вашего величества. Граф Брюль в присутствии коронного канцлера и английского уполномоченного говорил мне в сильных выражениях, что подлинно король прусский возбуждает курляндцев, чтоб они вновь обратились к Польше с просьбою об освобождении своего герцога, и что если по-прежнему просьба их не получит удовлетворения, то, так как польское покровительство не приносит им никакой пользы, они могут выбрать в герцоги брата его, принца Генриха, причем могут быть обнадежены в сильной защите Пруссии. С другой стороны, Франция и Пруссия внушают полякам, что король Август намерен сына своего принца Ксаверия назначить герцогом курляндским; внушения эти клонятся к тому, чтоб возбудить смуту в Польше и Курляндии, чем прусский король воспользуется". Но как скоро Гросс объявил канцлерам коронному и литовскому и графу Брюлю о желании императрицы, чтоб в курляндских делах не произошло никакой перемены и чтоб курляндский депутат Шёппинг прежде сейма не получил аудиенции у короля, то все трое без отговорки обещали свои услуги в этом деле. Канцлер Малаховский обещал, что речь Шёппинга будет написана в общих выражениях и будет сообщена Гроссу, что депутатская инструкция из канцлеровых рук не выйдет и насчет ответа на нее канцлер наперед условится с Гроссом. "Но если сейм состоится, - писал Гросс, - то предвижу, что опять будет предложение вашему величеству или об освобождении Бирона, или об окончательном решении курляндского дела, и предложение это, быть может, сделается чрез особое посольство, которое отправится с извещением о признании Польшей императорского титула русских государей. Как я слышу, граф Брюль хочет назначить в это посольство зятя своего надворного маршалка Мнишка. Обер-камергер граф Понятовский, с другой стороны, уже заявлял свое желание быть назначенным в это посольство, да бывший три года тому назад в России обер-маршал граф Огинский усиленно просил меня, чтоб по указу вашего величества требовать его назначения в послы как знакомого человека, насчет которого ваше величество могли бы быть уверены, что он меньше всех будет настаивать на курляндском деле. Граф Мнишек будет больше всех домогаться окончательного решения курляндского дела; а Понятовского, который не богат и властолюбив, да Огинского легче ласками и подарками можно было бы удовлетворить".

Относительно поведения своего на сейме Гросс получил из Петербурга следующие наставления: держаться партии князей Чарторыйских, но наблюдать, чтоб эта партия не предпринимала ничего для нарушения вольности республики и ее уставов; князей Чарторыйских ласкать и их держаться, но и других не бросать и не раздражать. Всеми силами не допускать уничтожения вольного голоса (*liberum veto*). Если сейм состоится, то домогаться, чтоб признание императорского титула русских государей внесено было в конституцию. Если будут затруднения относительно слова "всероссийская", то можно предложить, что императрица довольна будет и старым титулом: всея Великие и Малые и Белые России. Принять с министрами республики достаточные меры для прекращения обид греко-российским церквам, задержания беглых и других

пограничных жалоб. Если польские вельможи станут отзываться о своем желании избежать замешательств после смерти королевской, то отвечать в общих выражениях, что они будут Россию сильно защищены; что же касается тайного намерения польских вельмож совсем избежать междуцарствия избранием наперед преемника в особе наследного принца саксонского, то это предприятие является делом невозможным, химерическим, ибо запрещено пактами, конвентами, и едва ли кто осмелится сделать подобное предложение на сейме.

Сейм не состоялся, по обычаю, и Гросс не мог добиться никакого решения ни относительно выдачи беглых, ни относительно возвращения православных церквей и позволения починять обветшавшие. Гросс предлагал своему двору, чтоб греко-русская церковь в Литве имела искусного генерального прокуратора, который защищал бы постоянно ее права во всех судах, а без этого можно опасаться, что эта церковь мало-помалу совсем исчезнет. "Одни представления министров вашего величества, - писал Гросс, - как бы ни были часты и сильны, желаемый покой вашим единоверцам доставить не могут, и теперь по разорвании сейма очень сомнительно, захотят ли министры вступить со мною в конференции".

Любопытны отношения русской политики в Польше к политике союзного двора английского и враждебного французского: английский посланник при польско-саксонском дворе Уильямс сблизился с Чарторыйскими и потакал их видам относительно преобразований; французский посланник граф Брольи, наоборот, хлопотал, чтоб все оставалось по-прежнему, и сблизился с гетманом Браницким; таким образом, Брольи действовал в видах русского кабинета, который также прежде всего заботился о сохранении существующего порядка, т. е. беспорядка, в Польше. Что касается непосредственных сношений Англии с Россией, то король английский приступил к договору, заключенному между Россией и Австрией в 1746 году, причем Россия приняла даже секретную статью о защите ганноверских владений в том случае, если б они подверглись нападению за приступление Георга II к означенному договору. Русскому правительству в его финансовых затруднениях сильно хотелось, чтоб морские державы, Англия и Голландия, опять давали ей субсидию за содержание значительного корпуса войск на лифляндских границах для сдержания Пруссии. Но когда Чернышев начал говорить об этом герцогу Ньюкестлю, тот отвечал, что последняя война увеличила государственный долг Англии тридцатью миллионами фунтов и потому больших субсидий она выдавать теперь не в состоянии, тем более что решено выдавать субсидии саксонскому двору именно по представлениям русского же двора. Чернышев возражал, что императрица в требовании субсидий имеет в виду главным образом общую пользу, общее дело европейского равновесия, собственно же русский интерес находится на втором плане и только в связи с общим интересом субсидии послужили бы только к некоторому облегчению в содержании войска, находящегося постоянно в

готовности выступить за границу и стоящего именно в местах, где все дороже, чем в остальных областях империи; было бы неестественно, чтоб сопряженные с этим тягости падали на одну Россию. Не нужно говорить о том, что содержание такого корпуса необходимо для прекращения злых намерений относительно нарушения европейского равновесия; что же касается до увеличения государственного долга Великобритании, то это явление всего лучше доказывает необходимость принимать меры для предупреждения дорогостоящей войны; требуемые субсидии имеют характер обеспечения, и государства должны подражать умным купцам, которые для сбережения своего капитала, отправляемого на кораблях, застраховывают его, платя малый процент. Но эти представления не имели никакого успеха.

С юга, из Константинополя, приходили известия успокоительные. По смерти Адриана Неплюева в Константинополь поверенным в делах был отправлен воспитанник Кадетского корпуса секунд-майор Алексей Обрезков, переименованный в надворные советники; в докладе Иностранной коллегии об нем говорилось: "Сей майор Обрезков для того способным к тому признается, что он уже был тамо при здешних резидентах Вишнякове и Неплюеве около десяти лет и в тамошних поведеньях довольно знание имеет". В июле 1751 года Обрезков приехал в Константинополь и дал знать своему двору, что без дальних его претензий получил от Порты такие почести, каких не давалось ни одному человеку, бывшему в его характере, несмотря на внушения французского посла Дезальера, который представлял Порте, как Россия ею пренебрегает: прислала только поверенного в делах, и пусть Порта не верит Обрезкову, что скоро приедет резидент, Россия никого не пришлет и Обрезкова не сделает резидентом по своей безмерной гордости.

В начале 1752 года Обрезков получил письмо от черногорского митрополита Саввы Петровича такого содержания: "После Прутского мира аги подгорические держат земли церковные, которые принадлежали нашему кафедральному монастырю Цетинскому, и земли прочих монастырей; аги говорят, что султан дал им эти земли в наказание черногорцам за их верность к русскому двору: за любовь господу Иисусу подвиглись на оборону нашу по обещанию великой государыни императрицы Елисаветы Петровны, во всей вселенной православия надзирательницы, нашей милостивейшей патронки и защитницы, стань при дворе султанском и освободи церквины (церковные земли), потому что мы никоим образом без них не можем жить, и если мы уйдем с Черной Горы, то народ сильно пострадает, как овцы, не имущие пастыря. И за церкви нашего монастыря Цетинского мы даем агам подгорическим по 20 золотых червонных. Если прикажете, то мы пришлем к вам родственника нашего с описями захваченных у нас церковных земель". "Преосвященный владыко! - отвечал Обрезков. - Из приятнейшего письма вашего с прискорбием я усмотрел ваши изнурения и, чем сильнее во мне желание оказать вам услугу, тем более соболезную, что по нынешним

обстоятельствам ничего не могу сделать в вашу пользу, ибо изнурение вам делается в денежных налогах, но всем и везде то же достается, и которые приезжали сюда для поправления дела, только наибольший вред себе получили, чему я многие примеры видел. Итак, по истинному усердию моему к вашему преосвященству и всем вашим однородцам советую удержаться от посылки сюда вашего родственника и с терпением стараться удовлетворить изнурителей, ибо что вы в вашем месте двадцатью червонными сделать можете, то здесь и двумястами не успеете. Я вас покорнейше прошу содержать настоящее дело в тайне, также и посылаемым от вас ко мне наказывать, чтоб никому не открывались: такая осторожность необходима для нашей переписки". Митрополичьего посланного Обрезков устно уверил, что он имеет повеление императрицы стараться об их пользе, только теперь надобно потерпеть и никого не присылать в Константинополь. "Это я сделал, - писал Обрезков, - чтоб их без ответа не оставить и отказом не огорчить, но сколько можно держать усердными к высочайшим вашего импер. величества интересам".

Греческое духовенство и особенно митрополит ираклийский несколько раз говорили Обрезкову, как бы полезно было учредить в России печатание греческих церковных книг, а теперь подали следующую записку: "Кроме оскорблений и нападков от неверных терпим всегдашнее гонение от папистов, которые называются единоверными христианами. Вселившаяся издавна в сердцах их ненависть против восточной церкви и поныне еще не миновалась, но возобновляется и в цветущем состоянии пребывает. Так как у нас нет другого оружия, кроме книг отеческих и богослужебных, то они злобно испортили эти наши книги, введя в них свои правила, несообразные с нашим православным обрядом, ибо книги наши печатаются в их типографиях. Но мы, размысля, что Бог еще не вовсе лишил нас благодати своей и облегчил наше иго богохранимую Российскою монархию, беспорочною в церковных обрядах, правиле и исповедании, дщерию восточной церкви, усердно просим принять труд донести всероссийскому двору, дабы ее импер. величество соизволила повелеть в каком-либо месте своей империи установить печатание наших книг".

23 марта Обрезков имел конференцию с великим визирем. Последний объявил, что миролюбивые чувства султана величества уже каждому известны; его величество ничего так не желает, как жить в доброй дружбе с императрицею всероссийскою; но к сожалению, усматривается, что между запорожскими козаками и татарами день ото дня распри умножаются и козаки татарам несносные наглости и обиды делают вопреки освященных договоров; султан сильно желает, чтоб изыскано было пристойное средство для прекращения этих распрей, и русский поверенный в делах приглашается к этому богоугодному делу. Обрезков отвечал, что императрица питает те же самые чувства, что и султан, а он, поверенный в делах, давно уже хлопочет о прекращении пограничных столкновений, именно, еще в сентябре прошлого года подал блистательной Порте известие о смертоубийствах, пленениях и грабежах, производимых

татарами у запорожских козаков; он ласкал себя надеждою, что обиженные получат удовлетворение; но вместо того ему сообщены татарские претензии, обсудить которые сам он не имеет никаких средств за дальностью мест, но думает, что лучшим средством будет, если визирь прикажет хану, снесшись с киевским генерал-губернатором, учредить комиссию для рассмотрения взаимных претензий и доставления удовлетворения, а чтоб впредь не было никаких столкновений, для этого необходимо с обеих сторон выдавать беглых, ибо тогда дурные люди могут удерживаться от преступлений, зная, что нигде не получают безопасного убежища. Визирь отвечал, что прежние беглецы, которых можно будет переловить, непременно выдадутся и впредь принимаемы не будут, и предложил с своей стороны еще средство: чтоб татары и козаки из границ в границы входили только через те речные переправы, которые назначатся с общего согласия обоих государств, застава турецкая будет против заставы русской, и никому нельзя будет перейти границу, не имея билета от офицера, находящегося на заставе. Обрезков возразил, что это средство не поведет к желаемой цели, потому что границы тянутся почти на триста часов пути; на этом расстоянии хотя и много рек, но они не могут служить ни малейшим препятствием татарам и козакам переходить границу, а между реками открытая степь, да и можно ли на таком расстоянии поставить столько застав, чтобы можно было усмотреть, кто едет с билетом или без билета. Визирь сначала был сильно поражен этим замечанием: но потом начал утверждать, что не требуется расставлять всюду заставы, но в некоторых неминуемо проезжих местах купцам и другим добрым людям по тропинкам ездить и эти заставы миновать не для чего, а кто их минет, то этим самым покажет, что ездил для воровства и других шалостей: таких всех забирать под караул и отсылать к офицерам, и если их накажут, то прочие поудержатся; если же и после того козаки потерпят какой вред, то Порты обязывается отвечать. Обрезков счел минуту благоприятною добиться того, чего давно желало русское правительство, именно иметь постоянно в Крыму агента под именем консула или другим каким-либо. "Лучшее средство прекратить все распри есть следующее, - сказал он, - пусть безвыездно живет при крымском хане офицер от киевского генерал-губернатора с обязанностью защищать русских подданных, находящихся в Крыму; другой офицер будет жить в Сече для защиты татар от запорожских козаков; оба эти офицера, имея между собою переписку, старались бы прекращать все столкновения между татарами и козаками и, будучи на месте, легко могли бы исследовать истину и доставлять удовлетворение один у хана, другой у кошевого, и блистательная Порты избавилась бы от доук". Но тут визирь и особенно рейс-ефенди начали в свою очередь доказывать, что от присутствия русского офицера в Крыму будет мало пользы, потому что все беспорядки происходят в степи и офицеры так же мало об них могут знать, как хан и киевский генерал-губернатор. Явно было, что Порты не прочь принять меры для прекращения столкновений между запорожцами и татарами: она поспешила отстранить столкновение с Россиею по поводу Кабарды, предписавши хану

немедленно вызвать оттуда своих сыновей. В Петербурге гораздо более тревожились тем положением, какое Турция могла принять относительно Персии, в которой продолжалась смута и которая должна была укрощать восстания афганцев, с одной стороны, грузин - с другой. В рескрипте Обрезкову в апреле 1752 года говорилось: "По персидским делам трудов и издержек жалеть вам не следует. В том не может быть никакого сомнения, что Порта по своим интересам и единоверию будет под рукою помогать афганцам и не допускать усиливаться грузинцев, которых она с греками не различает. Если мы сами в персидские дела не вступаемся, то не можем не посоветовать и Порте следовать нашему примеру; вы должны внушить турецким министрам, что Порта должна дать персиянам самим уладить свои дела, ибо от них по их слабости турецким границам никакой опасности быть не может. Притом вы не должны подавать вида, что это нас очень беспокоивает, мы только советуем Порте, а приневоливать ее не хотим; повторите турецким министрам, что мы до сих пор грузинцам помощи не подаем, что этот народец не заслуживает внимания такой знатной державы, как Порта, досадовать на них ей не за что. Эти ваши внушения должны вызвать со стороны турецких министров ответ, из которого можно будет что-нибудь извлечь относительно решения Порты".

Обрезков отвечал, что прежняя горячность, с какой хотели помогать афганцам, прохладилась и так как успехи грузинцев не так велики, то и с этой стороны подозрение уменьшилось; народ сильно ропщет, что единоверных афганцев оставляют без помощи, а грузинцам дают усиливаться, но султан, несмотря на то, из принятой системы не выступает. "Я, - писал Обрезков, - предложу Порте советы высочайшего двора, когда достаточную нужду увижу, а без достаточной нужды вместо пользы вред произойти может, ибо все, что ни будет предложено с нашей стороны, услышать неохотно; Порта не может себе представить, чтоб грузинцы не получали помощи от России, и мои внушения только утврдят ее в этом предположении".

В России боялись, чтоб Турция не приняла участия в делах персидских; со стороны же самой Персии были совершенно покойны. Заведенный при шахе Надире флот персидский, который так беспокоил дочь Петра Великого, теперь не существовал более. Осенью 1752 года канцлер доложил императрице о награждении морских офицеров и служителей, которые в 1751 году из Астрахани были посланы к персидским берегам и там тайно сожгли два корабля, построенные англичанином Элтоном. Елисавета велела повесить каждого одним чином и раздать им 3000 рублей.

Между тем движение православного народонаселения в Россию из австрийских областей не могло не отозваться и в областях турецких.

В октябре 1752 года отправлен был Обрезкову рескрипт следующего содержания: "Нынешним летом из Молдавии и пограничных с нею мест

некоторые болгары, греки и волохи являлись к генерал-майору Хорвату для осведомления об устройстве нового поселения и о подлинности нашей высочайшей милости; одни остались, другие, осведомясь, возвратились для объявления своим соотечественникам. Между прочими приезжал из Молдавии шляхтич Замфиранович с обещанием, что скоро переселятся к нам из православных народов: болгар, греков и волохов - до тысячи семейств. Надлежало бы за такую ревность не только им не отказывать, но принять с милостию и награждением; только препятствием служит то, что когда волошский господарь станет жаловаться Порте на такой их своевольный переход и прием, то не стала бы Порта требовать их возвращения как перебежчиков в силу 8 параграфа мирного договора 1739 года, где именно условлено возвращать перебежчиков с обеих сторон. Потому вы должны осведомиться у надежных людей, каким бы способом могло быть исходатайствовано у Порты их увольнение; не имеют ли из тех народов некоторые таких привилегий, по которым можно было бы им вступать в чужестранную службу, следовательно, выезжать из отечества? Известно, что не только из волохов (которые, надобно думать, турками не завоеваны, но поддались добровольно и, может быть, на каких-нибудь условиях), но и многие греки в иностранной службе и для купечества в разных местах находятся и вовсе жить остаются с семействами; надобно знать, на каком основании это бывает. До сих пор еще не слышно было, что Порта за таких волохов и греков увязывалась и требовала их назад. По этому примеру можно надеяться, что Порта не станет удерживать и требовать назад и выходящих к нам как христиан, а не магометан; но прежде всего будем ожидать вашего разъяснения. Между тем этих выходцев принимать в наши границы не велено; строение крепостей в Новой Сербии нынешним летом начато не будет, сербы и другие народы по малому их выходу селятся только по границе с Польшею от Архангельского городка к реке Бугу, также по рекам Синюхе и Висе, где и прежде было малороссийское поселение; все это от турецкой границы отошло далеко, о чем вы можете повторить Порте в случае каких-нибудь отзывов".

Обрезков отвечал 1 декабря, что если Порта позволяет своим подданным ездить за промыслами в чужие земли и даже оставаться там, то это происходит вовсе не на основании каких-нибудь привилегий, а по обычаю и нерадению, тем более что таких и немного; и если бы ее подданные стали выходить в Россию без огласки и селиться не так близко к ее границам, то едва ли бы стала требовать их возвращения, особенно не желая выдавать магометан, от времени до времени перебегающих к ней из русских владений. Но не может быть никакого успеха, если б с русской стороны было сделано предложение Порте отпустить христиан добровольно. Выпуск народа из государств делается обыкновенно по двум причинам: или когда государство переполнено жителями так, что земля прокормить не может, или в случае появления какой-нибудь ереси, когда выпуском или изгнанием еретиков хотят предупредить опасность для веры. Но в Турции области пусты, особенно Валахия и Молдавия; в первой, исключая

Бухарест, только около 40000, а во второй, исключая Яссы, только до 25000 душ считается. Лучшего способу не нахожу, как чтобы желающие выселиться выходили в небольшом количестве, без огласки, неприметно, и при поселении перемешивать их с другими народами, и мне уже известно, что молдавский князь, открыв намерение переселяться, устроил заставы по Днестру. Впрочем, для наполнения Новой Сербии народом и чтоб в постройке для охраны этой страны крепостей убытка не было, не благоугодно ли будет вызвать бежавших из России раскольников, которыми наполнены многие превеликие деревни по польской границе и ниже по Днестру.

Мы видели, с каким напряженным вниманием следили в Петербурге за шведскими движениями, как ждали здесь опасного для русских интересов переворота по смерти королевской и готовились препятствовать ему вооруженною силою. В описываемое время туча рассеялась.

В начале 1751 года Панин уведомил свой двор, что медики и на одни сутки не ручаются за жизнь королевскую и что малолетний сын кронпринца Густав помолвлен на дочери датского короля. "Не без основания ожидать надобно, - писал Панин, - что это новое соединение двух дворов, которое производится французскою хитростью, просто не кончится одним мечтательным младенческим сговором, но, конечно, каждый двор будет стараться этим средством достигнуть своих дальнейших видов. Хотя здравомыслящая часть здешнего народа немного себе обещает выгоды из новых обязательств с датских дворов, да и вожди господствующей партии сами знают, как мало им можно полагаться на этот двор, однако они стараются уверить большинство, что Дания при всех случайностях будет действовать с Швециею заодно, чтоб положить пределы усилению России".

25 марта король умер рожею, окончившеюся антоновым огнем. На другой день Сенат, собравшись в комнаты покойного, приветствовал наследного принца королем, и граф Тессин прочел акт клятвенного обещания, который новый король подписал; обещание состояло в том, чтоб управлять по установленной форме и считать своими неприятелями и изменниками отечеству тех, которые будут под каким-либо видом стараться о восстановлении самодержавия. В то же утро граф Тессин пригласил к себе всех иностранных министров, назначивши Панину время часом ранее пред другими. Объявивши о восшествии на престол и присяге Адольфа-Фридриха, Тессин прибавил: "Хотя король не преминет своеручною грамотою уверить ее императ. величество в своем полном признании ее высоких благодеяний, однако просит и вас предварительно удостоверить как ее величество, так и его высочество, своего ближнего родственника, в совершенной своей признательности и преданности, что не опустит ничего, что будет содействовать усилению доброй дружбы и тесного согласия между высокими дворами". Извещая об этом разговоре, Панин прибавляет: "Основательно можно сказать, что мудрое вашего императорского величества в здешних делах поведение достигло своей цели, ибо без этого

такой точный акт обнадеживания при нынешнем случае не явился бы. Опыт показал, как прежде, особенно при окончании последнего сейма, при всяких делах мало заботились о напоминании правительственной формы и основных прав: так, в установленных тогда кавалерских присягах трех шведских орденов нет ни одного слова о национальной вольности и правах; всякий может понять, что настоящий поступок вынужден внешним страхом и нимало не соответствует принципам здешнего правительства или, лучше сказать, господствующей партии". Панин доносил, что новый король не имеет ни малейшей склонности к государственным делам, но все удовольствие поставляет в солдатских обрядах: каждый день пополудни, запершись в своем кабинете с некоторыми командами и офицерами, забавляется приведением в совершенство военной экзерциции. "Я говорю забавляется, - писал Панин, - для того, что тут не о распространении науки или искусства командующих генералов, но в единых мушкетных приемах упражняются, в чем уповательно и впредь большая часть его царствования обращаться будет, так что смело сказать возможно, что сей государь своею персоною не будет страшным соседом".

На извещение о смерти королевской Панин получил в ответ из Петербурга рескрипт, в котором императрица предписывала ему: "Нашим именем дайте знать, что нам весьма приятно было уведомиться о том, каким образом его величество король в начале своего государствования о своей признательности и преданности к нам и нашему племяннику предварительные уверения подать изволил, и что мы именно повелели вам наисильнейшим образом его величество уверить, что мы по толь ближнему свойству как прежде, так и ныне в благополучии его величества и в настоящем возвышении его в королевское достоинство совершенное и истинное участие имеем и равномерно с своей стороны все то поспешествовать охотно желаем, еже бы токмо к распространению доброй дружбы и тесного согласия обоих наших дворов служить могло. Впрочем, собою разумеется, что вам довольное примечание иметь надлежит на поведение и поступки нового короля и министерства: в каких сентиментах они пребудут в рассуждении нашего, тако ж и других дворов, и не возымеют ли тамошние дела иного виду, ибо король, по сие время коронным наследником и под руководством преданного Франции и Пруссии министерства будучи, хотя и не имел к нашей стороне должной аттенции и соответственного нашим благодеяниям поведения, но, может быть, ныне, при совершенном достижении короны, которую он нашим старанием получил, одумается и внутренне побужден будет к нам свое признание возыметь и стараться между обоими дворами наилучшую дружбу и доброе согласие содержать, отчего мы с своей стороны не токмо не удалены, но и весьма бы того желали; яко же для того и вам при всяких случаях как с министерством, так и при дворе королевском хотя с потребною осмотрительностью, однако ж такое обхождение иметь надобно, как бы то наидружественного двора министру принадлежало, и по всякой возможности стараться короля к нашей стороне приласкать, а когда удобные случаи к тому подадутся, то как самому королю, так и министрам

пристойным образом внушать, что свойство и собственный королевства Шведского интерес того требует, чтоб Швеция с нами предпочтительно другим державам в постоянной дружбе и добром согласии пребывала; и что она же всегда более от нас, нежели от других сторон, пользы себе ожидать может, а генерально притом и северный покой тем наилучше содержан быть имеет".

Панин передал эти заявления графу Тессину, и тот через несколько времени отвечал, что король слушал их с наивысшей радостью и что каждый день его царствования будет отмечен новым попечением не только просто отвечать чувствам императрицы, но истреблять малейшие остатки подозрения насчет его чувств, подозрения, которое некогда внушено недоброжелательными людьми. Тессин уверял, что они не имеют ни малейшего сомнения в добрых расположениях императрицы, что подтверждается и декларацией Панина, и донесением шведского министра в Петербурге, который писал, что по поводу перемен в Швеции канцлер отозвался к нему очень благосклонно и откровенно. "Король, - кончил Тессин, - не преминет стараться своим поведением подкреплять точность и силу договоров между Россией и Швецией. Нам о распространении земли своей помышлять нельзя; мы были бы счастливы, если бы настоящую свою область настолько могли населить людьми, сколько пространство ее требует".

В начале июня страшный, небывалый трехдневный пожар испепелил Стокгольм. Отчаянный народ стал кричать о зажигателях, причем начало повторяться имя русского министра, ибо в толпе не знали о перемене отношений России к Швеции и недавно перед тем схвачен был финляндец Викман, ведший переписку с русским посольством о состоянии Финляндии и о выборе в этой стране сеймовых депутатов. Панин отправился к Тессину, чтоб указать на ту крайность, до которой злонамеренные люди успели довести ненависть к русскому имени, и не время ли уже министерству обратить внимание на происходящую от того помеху укреплению дружбы, к которой показывается теперь столько готовности, и стараться о перемене направления в общественном мнении. Тессин отвечал, что он совершенно разделяет мысли Панина, и предложил ему, не хочет ли он по примеру французского посла иметь караул при своем доме. Панин отвечал, что караул ему вовсе не надобен, что он не имеет причины опасаться народного против себя возмущения и отдает справедливость народу, который действительно мог бы позволить себе какой-нибудь дерзкий поступок, если принять во внимание силу тех враждебных России внушений, какие делались людьми, стоящими выше черни. "Меня одно огорчает, - продолжал Панин, - что при моем личном расположении к Швеции и зная дружбу наших государей, с некоторого времени нахожусь принужденным видеть себя министром между четырех стен; чем ближе дела приходят к своему естественному состоянию, тем сильнее злые люди стараются марать меня в обществе и привели дело к тому, что каждый швед считает простую учтивость со мною государственным

преступлением. Я. говорю это не с тем, чтоб жаловаться или требовать какого-нибудь удовлетворения, но представляю вам это частным образом, зная вашу благонамеренность". Тессин отвечал обещанием стараться об уничтожении неприязненных к России внушений. Возвратясь после этого разговора домой, Панин не успел еще отобедать, как по всем площадям столицы раздались звуки труб: читали королевский указ, чтоб никто не смел под страхом смертной казни обвинять иностранных министров в зажигательстве.

Вслед за тем Панин донес о перемене положения шведских партий: Сенат начал стремиться к усилению своей власти на счет королевской; главами этой сенатской партии были Гепкен, Пальмстерна и граф Гилленборг. Те же, которые не находили своего интереса в распространении сенатской власти и боялись, что приобретенные ими милости от двора останутся для них бесполезными, думали об устройстве противоположной партии; самым деятельным между такими людьми явился генерал-майор граф Ливен: он старался королевским именем составить партию из военных и из прежних *колпаков* с целью ограничения сенатской власти в пользу короля, особенно относительно назначения в чины и должности. Обе партии старались привлечь к себе французского посла, потому что обе во внешней политике держались одинаково французской системы. Панин писал, что, по его мнению, он должен держать себя тихо и уединенно, чтоб своим движением не помешать злой партии разодраться; он писал также, что не должно принимать предложения Англии подкупом доставить на будущем сейме ландмаршальство Окергельму, для чего лондонский двор давал 1000 гиней; Панин утверждал, что это поздно и не будет иметь никакого успеха, тем более что Окергельм считается отъявленным врагом короля.

Начался сейм и вместе борьба Гилленборговой - сенатской и Ливеновой - придворной партии, причем французский посол явно стал на сторону первой. Это возбудило к нему холодность в короле, а королева прямо упрекала его в желании мешаться в домашние дела королевства, и противопоставляли его поведению образцовое поведение Панина. "Такая смута, - писал Панин, - могла бы подать надежду вырвать короля из французских рук, если б вокруг его были все добрые люди и если б тому не препятствовало особенное уважение короля, больше же всего королевы, к Пруссии". В декабре 1751 года Панин дал знать, что на сейме никакой опасности для настоящей правительственной формы не предвидится, что неоспоримо должно быть признано плодом мудрого рачения и твердости императрицы; теперь, по его мнению, интересы России требуют только наблюдения над принимаемыми при шведском дворе мерами в политических делах. Из этих дел на первом плане было предложение французского посла Давренкура, чтоб Швеция заключила союз с Францией и Пруссией для возведения на польский престол принца Конти. Об этом сказал Панину австрийский резидент и подтвердили два его приятеля: один сенатор, а другой член секретного комитета. Из их речей Панин уверился, что Франция и Пруссия домогались в Стокгольме новых

решительных обязательств против России на некоторый случай. Впрочем, Панин успокаивал свой двор тем, что королевская партия занята внутренними делами и не намерена впутывать свою страну в трудные внешние отношения; король того же мнения, а генерал Унгерн и другие придворные фавориты внушают королеве, что она прежде всего должна иметь в виду пользу своих детей и потому не может предпочитать прусский интерес шведскому. Панин доносил, что горделивое поведение королевы возбуждает всеобщее неудовольствие, не исключая и главных приверженцев ее мужа. Она дошла до того, что начала предписывать им, какие речи они должны произносить в сеймовых собраниях; при всех оборачивалась спиной к тем, о которых узнавала, что говорили против желания королевского; так же обращалась и с сенаторскими женами, и некоторые сенаторы поручили ей прямо объявить, что если она будет продолжать такие приемы, то они будут принуждены запретить своим женам ездить ко двору. Придворная партия не только не оскорбилась, но была очень довольна этим заявлением сенаторов; она думала, что это отучит королеву от самовластных обычаев прусского двора и приучит к шведской людскости.

К Панину приехал полковник Штакельберг и, описав плачевное состояние Швеции, повел речь, что король сам признается, как он обманут сенаторами, и есть большая надежда вырвать его из французских рук, что друзья прислали его, Штакельберга, просить Панина, чтоб тот откровенно высказал чувство своего двора относительно их короля, свое собственное мнение и подал бы нужные советы для перемены политической системы; по их мнению, прежде всего надобно ввести в Сенат старых сенаторов, но против них так много голосов на сейме и в секретном комитете. Панин отвечал, что чувства императрицы к королю те же самые, какие она имела при восшествии своем на престол, и она с радостью готова принять его дружбу, если только он сам ее предложит. Граф Тессин заставил теперь себя благодарить за то, будто бы спас нацию от великой опасности, грозившей со стороны России; но есть ли малейшая вероятность, что государыня, столько уважающая христианскую кровь, что и преступников смертью не казнит, захотела бы проливать кровь верных своих подданных и невинных шведов? Императрица всеми способами старалась открыть глаза нации: но, не получа никакого успеха, все свое внимание обратила на одно: на сохранение шведской вольности и существующей правительственной формы. Императрица никогда не ожидала нарушения этой формы от самого короля, но ей известны злые замыслы и продажные души людей, в руках которых король до сих пор находился. Теперь эти люди, не получив возможности попрасть вольность и права государственных чинов, стараются по крайней мере присвоить себе преимущества королевские. Императрица никогда не переставала смотреть с сожалением, что родственник ей государь находится в руках собственных злодеев и злодеев Швеции, тем более что у нее нет другой фамилии, кроме голштинского дома. "Что же касается моего мнения о настоящем положении дел, - сказал Панин, - то, признаюсь, не вижу ничего

такого, что бы клонилось не только к перемене, даже к ослаблению настоящей системы. Между вами первый человек - генерал Унгерн, который показывает себя ревнителем прав королевских; но он при всяком случае разномыслия старается склонить стороны в пользу принципов французской партии". "Мы сами, - отвечал Штакельберг, - вполне признаем эту робость и медленность генерала Унгерна, тем не менее могу уверить честью и совестью, что он человек благонамеренный и теперь, чувствуя себя оскорбленным и побежденным, сильно желает переменить систему. Сходно с своим кротким характером, он старался устроить дела спокойно и тем легче вырвать короля из рук французской партии; он должен был поступать тем осторожнее, что в нашей теперь королевской партии много людей, преданных французским принципам, и король к этим людям питает еще некоторое доверие. Я должен открыть вам в крайнем секрете, что имею поручение именно от генерала Унгерна спросить вас, можете ли вы без потери времени помочь нам в нашем добром начинании. Мы намерены на сих днях отправить четверых надежных людей в провинции, чтоб после праздников привезти на сейм благонамеренных людей, которые должны дать большинство в нашу пользу; всем известно, что посол французский уже давно дает деньги и обещает дать еще больше, чтоб, закупив большинство, поскорее окончить сейм и предоставить всю власть преданному Франции Сенату. Я со стыдом и горестью должен признаться, что в испорченном и развращенном отечестве моем даже и души покупаются, поэтому и в нашем предприятии только этим способом можно достигнуть большинства голосов. С королем нам нужно обходиться чрезвычайно деликатно: злодей Тессин как хищник овладел им с самого начала и все время упражнял его в сержантской должности, в изучении подробностей солдатской службы, так что этот государь, кроме полка гвардии, ничего не видав своими глазами, так мало мог исследовать сущность дел". Панин отвечал, что он сочтет себя счастливым, если будет в состоянии содействовать их доброму намерению, но для этого ему необходимо видаться с генералом Унгерном. Штакельберг заметил, что велика опасность, чтоб господствующая партия не окончила сейма прежде, нежели с другой стороны примутся надлежащие меры. На это Панин сказал, что если б с такою серьезностью принялись за дело с начала сейма и короля к тому же склонили, то, может быть, теперь дело доведено было бы до конца. Впрочем, нельзя слишком бояться короткости времени, ибо когда две коронованные главы станут действовать искренно и единомысленно, то могут господствовать и над самим временем и в случае нужды созвать и другой сейм.

На третий день поутру Штакельберг явился опять к Панину с известием, что они никак не могли уговорить Унгерна повидаться с русским министром: он с ужасом представляет себе гибельные следствия этого свидания, если противная партия об нем узнает, ибо каждый член секретного комитета дает присягу не видаться с иностранными министрами. Впрочем, Штакельберг уверял, что Унгерн тверд в своем предприятии, и в доказательство показал собственноручную его записку,

заключившую пункты, которые должны быть предложены Панину: 1) о вспоможении деньгами для посылки по провинциям; 2) чтоб без потери времени русским полкам велено было придвинуться к шведским границам; 3) издать в Швеции декларацию, что это движение направлено не против двора и народа, но против предосудительного союза Швеции с Франциею и Даниею. Унгерн, по словам Штакельберга, уверял честию, что если посылкою по провинциям составится большинство голосов и в то же время придвинутся русские войска, то над пятью сенаторами - Тессинном, Гепкеном, Пальмстерном, Эренпрейсом и Вреде - наряжена будет комиссия, и вдруг переменят систему. "Такие дела, - возразил Панин, - в один день не делаются. Правда, я не вижу для них физической невозможности; но где же основания и побудительные причины, которыми можно было бы склонить русский двор издать означенную декларацию? Дания в союзе с Российскою империею и двор императорский не имеют никакого понятия, в чем состоит здешний союз с Франциею и Даниею, где его предосудительность русским интересам. Правда, ее величество предпочитает шведскую дружбу датской; но важность дела требует особых переговоров, я же во все пребывание мое здесь с генералом Унгерном, кроме погоды, ни о чем не разговаривал и хотя бы однажды имел честь слышать от его величества о желании восстановить тесную дружбу и согласие между Россиею и Швециею".

В начале 1752 года произошло сильное столкновение между королем и Сенатом: Сенат большинством голосов не утвердил офицеров, назначенных королем, а король не утвердил офицеров, избранных Сенатом. Королевская партия все более и более чувствовала необходимость сблизиться с Россиею; чувствовал это и сам король, и Панин замечал, в каком затруднительном положении находился Адольф-Фридрих всякий раз, как с ним встречался: он почти всегда краснел, глядя на него. Наконец, в апреле король назначил Панину секретную аудиенцию: "Не как король, но как частный человек и приятель ваш прошу уверить ее императорское величество в моей совершенной преданности. Мне давно хотелось повидаться с вами; но вы сами знаете, как здесь примечают все мои движения, и мне нельзя было этого сделать, не возбудив подозрения в других державах. Вследствие доверенности, какую питаю к вам, не могу не припомнить о деле несчастного Гольмера. Быть может, при дворе императрицы думают, что Гольмер во время пребывания своего при мне старался в пользу французского интереса; но уверяю вас, что ничего подобного я в его поведении не приметил. Я бы принял как новое благодеяние со стороны ее императорского величества, если бы Гольмер был освобожден". "Я говорю, - отвечал Панин, - с таким государем, который истину, правосудие и честь предпочитает всему, и я бы не оправдал доверия вашего величества, если бы осмелился скрыть что-нибудь. Вот почему я заявляю пред вашим величеством свое оскорбление, что вы Гольмерово дело поставили новою пробою отношений ее императорского величества, тогда как эти отношения обозначились не в частных делах, а в поступках, касающихся благополучия и пользы всего

шведского народа. Вашему величеству известно, что императрица не изволит вмешиваться в голштинские дела и в моей инструкции предписано ни под каким видом до них не касаться, чтоб нисколько не стеснять его императорское высочество в законном управлении отеческим наследием". "Я об этом деле говорил с вами приватно", - прервал его король и, повторив уверение своей преданности к императрице, сказал: "Я знаю людей, которые всегда старались отвлечь меня от дружбы к ее величеству и хлопотали, чтоб я французский интерес предпочитал моему собственному; но будьте уверены, что они меня не проведут. Вперед я хочу иметь с вами дело непосредственно: но хотя я желал бы постоянно разговаривать с вами таким образом, как теперь, однако многие вам известные причины не позволяют мне этого делать часто, и потому прошу иметь доверие к сенатору Левенгелюму, посредством которого я буду всегда в состоянии с вами изъясняться откровеннее, чем чрез министерство, а между тем время от времени и здесь в кабинете могу с вами видаться".

Панин счел своею обязанностью представить императрице свое мнение по поводу этого разговора: "Такие отзывы и заявления его величества могли бы убедить, что он уже совершенно вступил на истинный путь, если б мне не было наверное известно, как он еще мало изволит помышлять о своих существенных выгодах; он только ищет, так сказать, своеволия в мелких делах, как-то: в раздаче нижних чинов и должностей и тому подобном, где бы Сенат ему не прекословил. По моему мнению, его величеству надобно еще большие досады претерпеть от сенаторов, чтоб переменить сущность своих чувств. Ваше императорское величество сами усмотреть изволите, как он сам себя открыл приплетением Гольмерова дела; он думал, что простого выражения склонности с его стороны достаточно для исходатайствования всего того, что к его выгоде служить может; а если б эта попытка ему удалась, то он стал бы считать позволенными себе все прихоти, не чувствуя нужды заслуживать знаки расположения своим поведением".

Осенью Панин доносил: "Король ото всех дел отстал и, уединясь в Дротнингсгольме с малым числом придворных, руководится более страстным упрямством, нежели пристойностью и здравым рассуждением; а противная партия этим пользуется к его предосуждению и по провинциям указывает на его своеобычие и упрямство, чтоб публика поставляла свое спасение в ней одной. Было бы гораздо приличнее и надежнее, если б его величество внимательнее занялся делами и противные общей пользе сенатские рассуждения обличал своими письменными голосами, которые потом пред государственными чинами послужили бы важными обвинениями против сенаторов. А теперь Сенат свободно может внушать: посмотрите, как король недоволен, что должен править государством по совету Сената, и предпочитает совсем покинуть дела, чем вести их с сенаторского согласия. Правда, для правильного и последовательного ведения дел необходим хороший и твердый план, а около короля нет людей, которые бы помогли ему в составлении и в приведении в

исполнение такого плана. Старые люди уже так знатны чинами и должностями, что не могут надеяться более никаких выгод от короля, а те, которые в малых чинах и ждут своего счастья от короля, стараются ему угождать, льстить его страстным желанием и боятся подавать полезные советы; да таких советов от них и требовать нельзя, потому что они люди молодые, не имеющие достаточного сведения в делах, и не могут что-либо от себя представлять ни королю, ни королеве, которая еще своенравнее, чем муж, и думает в своем страшном гневе на Сенат, что таким королевским удалением от дел не только Сенат, но и все дела чувствительно наказываются. Королева не может преодолеть своей ненависти к французскому посланнику и его жене и как ни старается прикрыть ее вынужденными приветствиями, однако глаза часто изменяют".

С переменою в шведских отношениях со времени восшествия на престол Адольфа-Фридриха изменялись и отношения датские. 25 мая 1751 года датскому министру в Петербурге графу Линару была сообщена нота, что до сих пор все старания и представления с русской стороны при шведском дворе имели единственную целью сохранение тишины на Севере; новый король издал обнадеживание насчет сохранения существующей правительственной формы, и потому императрица спешит сообщить датскому двору в союзнической откровенности, что она этим обнадеживанием и дальнейшими изъяснениями с шведской стороны вполне довольна и успокоена. Линар хлопотал, чтоб окончены были каким-нибудь соглашением споры между его королем и наследником русского престола по шлезвиг-голштинскому вопросу, и просил для этого посредничества императрицы. В июле сообщена была ему промемория, что императрица с совершенною благодарностью признает союзническую надежду, которую датский король полагает на ее посредничество; она с немалым удовольствием желала б видеть окончание переговоров о голштинском деле, но великий князь признал нужным отложить это дело до другого времени, и потому императрица может только обнадежить короля датского, что голштинские распри ни теперь, ни в будущем не будут иметь ни малейшего влияния на дружественные отношения ее величества к Дании и нисколько их не изменят. Легко понять, какое впечатление должен был произвести этот ответ в Копенгагене: датские министры говорили австрийскому посланнику графу Розенбергу, что из неясности ответа можно вывести то заключение, что великий князь старается протянуть дело до того времени, когда вступит на русский престол и получит средства подкрепить свои претензии оружием. Печальные следствия такого положения для спокойствия Севера, да и великой части Европы можно предусматривать, и потому король датский почти принужден помышлять о системе, посредством которой мог бы привести себя в безопасность от такой страшной грозы. Король уверен, что императрица, как миролюбивая и о благе своих подданных пекущаяся государыня, ничего более не желает, как чтоб этот камень преткновения поскорее был отстранен и разорительная для обоих государств война была предупреждена, но здесь известно, что великий князь некоторыми людьми

утверждается в личном нерасположении к датскому королю и потому остается нечувствителен ко всем предложениям, сделанным с здешней стороны. Немалое участие принимает здесь прусский король, который ничего так не желает, как чтоб русский и датский интересы были всегда разделены и чтоб оставалась причина к будущим ссорам между обоими дворами.

Заявления о том, что императрица вполне довольна декларациею нового шведского короля, были вручены одинаково министрам всех дворов, находившимся в Петербурге, и по этому случаю австрийский посол в письме к канцлеру Бестужеву выразился, что обнадеживание, данное Адольфом-Фридрихом, надобно приписать только твердым и мудрым распоряжениям императрицы всероссийской, и Мария-Терезия велела ему поздравить Елисавету с этим происшествием, доставляющим бессмертную славу последней.